

Игорь ВОСТРЯКОВ
г. Петрозаводск

Святой из преисподней

повесть

«Бессмертие — это реально.»
Академик Б.В. Болотов

История эта произошла в одной из заброшенных карельских деревень с молодым писателем Сергеем П., который и рассказал мне о своих приключениях. Вот этот рассказ:

— У меня было два желания: вдоволь накупаться в голубом карельском озере и где-нибудь в заброшенной деревне, в первозданной тишине, дописать свой новый роман, который застрял где-то на середине, а городская суэта никак не способствовала творчеству.

Уложив в рюкзак свое холостяцкое имущество, я поехал к старинному другу Вальке Сычеву, который работал журналистом в маленькой районной газете и в своем районе наверняка знал такое тихое место.

— Ламба, полная светлой воды, и заброшенная деревня? — переспросил друг Валька. — Так что же ты стоишь? Едем!

Он завел старенький «Москвич», и мы часов через пять были на месте. Правда, обещанной деревни не оказалось, но на берегу лесного озера стоял один-единственный, чудом уцелевший карельский дом. В одном из окон целы были даже стекла.

Валька, пообещав через недельку приехать за мной, дал газу, и «Москвич» его скрылся за поворотом. Еще некоторое время где-то далеко-далеко был слышен слабый стук автомобильного движка, но вскоре и он пропал, растворился в лесной тишине.

Двор перед домом изрядно зарос высокой крапивой и травой. Вдоль полусгнившей изгороди тянулись пахучие заросли иван-чая. Рослые молодцы стояли дружным строем, покачивая на ветру малиновыми шапками.

— Вот уж где поистине не ступала нога человека! — подумал я.

Пробившись сквозь заросли к дому, сложил на крыльце своё нехитрое имущество. В доме было ужасное запустение и грязь. Человек я брезгливый и потому, наскоро обойдя четыре комнаты, выбрал для жилья самую маленькую, рядом с кухней. Благо, что в комнате этой было окно с уцелевшими стеклами. Попытался растопить печь, но это мне не удалось. Дым клубами поднимался под потолок и растекался по дому. Тогда я развел костер во дворе. Сбежал на озеро с найденным в одной из комнат ржавым ведром. Нагрел воду. Жестким голышом надраил полы в комнатке и на кухне. Намыл стены, собрав вековую паутину. Когда в очередной раз шел на озеро за водой, внимание мое привлекла одна странность. У самой кромки воды на мокром песке увидел четкий след босой человеческой ноги. Не круглый медвежий, а легкий, изящный след, оставленный женщиной или мальчиком.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — пробормотал я.

На краю песчаного пляжа обнаружил еще несколько довольно свежих следов. Но самое удивительное, что в полутора метрах от моей тропинки, которую я пробил в траве, продираясь по ней, как танк, оказалась еще одна хорошо протоптанная тропа, ведущая со двора к пляжу.

— А Валька уверял, что на сто верст вокруг ни одной живой души, — подумал я.

Станным и непонятным во всей этой истории было то, что тропа неожиданно терялась. Она обрывалась сразу, не добежав до забора каких-нибудь трех-четырёх метров, упираясь в небольшой ивовый кустик. Я дошел до этого кустика, постоял в раздумье. День уже клонился к вечеру. Вернулся в дом, вымыл стекла в окне, и они замерцали таинственным светом северной белой ночи. Расстелил подаренный мне Валькой матрас прямо на полу, укрылся одеялом и уснул.

Проснувшись, легко поднялся, рассеянным взглядом оглядел комнату и вздрогнул. На полу четко выделялись следы мокрых человеческих ног. Чтобы успокоиться, сделал несколько глубоких вдохов диафрагмой, на каждом вдохе задерживая дыхание на полторы-две минуты. Это всегда помогало. Сделал зарядку, позавтра-

кал. Сбежал на пляж, выкупался. После купания забрался на крышу, долго рассматривал однообразный пейзаж: несколько заросших высокой травой полянок, молодой ельник, в центре которого высилась гигантская высохшая осина, да озеро. Спустившись вниз, вновь развел костер, нагрел воды. Надраил не только кухню, но и сени. Вымыл даже ступеньки крыльца, как это делают чистолюбивые хозяйки. Двери в остальные комнаты забил наглухо. На чердаке нашел вполне приличный стол и два стула. После чего засел за роман. Писалось удивительно легко. Когда уже перестал различать шрифт на клавиатуре своего ноутбука, встал и вышел во двор. Сделал несколько шагов по тропинке в сторону пляжа и едва не вскрикнул. По пляжу шла девушка. Тоненькая фигурка ее четко выделялась на фоне ночного неба, подсвеченного луной. Но вот она остановилась, сбросила одежду и прыгнула в воду. Слышно было, как плывет, напевая что-то и тихо смеясь.

— Может, сплавать к ней? — подумал я. — Ну уж дудки! Хватит с меня! Все-таки кто же это? Девушка или привидение, возникшее из тьмы, воздуха и лунного света?

Голова шла кругом.

— Не хватало мне еще познакомиться с привидением. Друг Валька засмеет меня!

Вернулся в дом, запер дверь на крючок, примотав его проволокой, и повалился на матрас, укрывшись с головой одеялом. Я, наверное, задремал, потому что сквозь полусон услышал, как кто-то тихо рассмеялся. Я сел на постели. Этого еще мне не хватало! Та самая девушка, которую только что видел на пляже, сидела на моем стуле, расчесывая гребнем мокрые волосы.

— Ты кто? — невольно вырвалось у меня.

— Этот же вопрос я хотела бы задать и тебе! — рассмеялась она.

— Как же ты вошла, если дверь закрыта на крючок, а крючок прикручен проволокой?

— Очень просто, — отвечала она, насмешливо скосив глаза, — знаешь, что такое симбуляция?

— Слышал, — небрежно обронил я, — это значит, что ты умеешь проходить сквозь стены. А прошлой ночью здесь точно так же расчесывала свои мокрые волосы?

— Откуда ты это знаешь? — вспыхнула она.

— Следы не надо оставлять! — назидательно сказал я.

— Тебя как зовут? — с детской непосредственностью спросила она.

— Сергей! — галантно поклонился я.

— Луша! — засмеялась она, протянув мне свою узкую ладошку.

— Так откуда же ты, Луша? — настырно поинтересовался я, не отпуская ее руку.

Она выдернула ладошку и пытливо взглянула на меня. Луша не была красавицей, но боже, что за глаза были у нее! Огромные, по-детски наивные. И такое насмешливое сияние исходило от них, что я невольно заробел перед ней. На вид ей было лет семнадцать. Совсем еще девочка. Худенькая. С широкими бедрами, высокой грудью, красивыми узкими руками. Если бы не глаза, то я бы не сказал, что она красавица, но чудный свет ее глаз ударил мне в самое сердце, полонил душеньку мою. Я даже и не сообразил сразу, что уже заболел ею.

— Так откуда же ты, Луша? — повторил я.

— А! — вдруг беспечно махнула она рукой в сторону леса. — Здесь и живу!

— Но здесь на сотню верст вокруг ни одной живой души, — возразил я, — как же так?

— Зачем и спрашиваешь? — лукаво засмеялась она. — Ой! Что это? — спросила она, заметив ноутбук. — Счетная машинка? Ты учишься на астронавта или бухгалтера?

— Я пишу книги!

— Книги? Вот ка-а-ак! — удивилась она. — О любви? Я просто обожаю любовные романы! Дай мне почитать что-нибудь написанное тобой.

Я включил компьютер.

— Ничего не понимаю, — через минуту сказала она, — в чем же суть этой системы, на которой объясняются люди вашего мира?

На листе бумаги я написал алфавит, постарался как можно популярнее показать, как из всего этого возникают слова и предложения. Скорее всего, я оказался неважным учителем.

— Какая громоздкая и неудобная система! — воскликнула Луша. — Вот послушай, как красиво звучит наша речь.

Она сложила губы трубочкой, и странная, завораживающая мелодия наполнила комнату.

— Что это, Луковка? — ласково спросил я.

— Это? — она лукаво усмехнулась. — Такими звуками объясняются парни и девушки в моем мире. Я сказала, что ты красивый парень, Сережа, а на дворе лунная ночь и неизвестно чем

все это может кончиться, если я вовремя не уйду!

— Что же может случиться? — притворился я непонимающим.

— Известно, что бывает, если парень и девушка остаются в лунную ночь один на один! — простодушно отвечала она.

Я протянул к ней руку, пытаюсь удержать, но она, торопливо вскочив со стула, повернулась лицом к стене и шагнула в нее. Я выбежал на крыльцо. Легкая фигурка Луши порхнула на край двора и вдруг исчезла, растворилась в струях колеблющегося лунного света. Вернувшись в комнату, повалился на матрас. Долго лежал с открытыми глазами, обдумывая происшедшее со мною.

На следующий день вновь роман мой летел вперед, как на крыльях, но, как только грянули первые сумерки, я встал и вышел во двор. Преодолев заросли, присел за тем самым ивовым кустом, в котором, как я уже догадался, скрывалась трещина в параллельный мир. Ждать пришлось недолго. Послышалось легкое шипение, и, ойкнув, на тропинку выпорхнула Луша. Вся ее тоненькая фигурка была изумительна. По лицу, длинным волосам, платью текли на землю, падали и с шипением гасли синие, голубые, белые искры.

— Ах, как жжется проклятая крапива! — воскликнула Луша, смеясь.

Испугавшись, что она может заметить меня, я резко присел, и тут под ногой предательски треснула веточка. Луша обернулась. Боже! Как же она была хороша! Постояв мгновение, она засмеялась и побежала к озеру. Выждав некоторое время, я пошел следом и тут услышал наступающие меня шаги.

— Эй! Приятель! — раздался за спиной хриплый голос.

Я обернулся. Ко мне подбегал какой-то человек. Вдруг он остановился и, задрвав подол длинной белой рубахи, в сильном возбуждении побрызгал на кустики, как это обычно делают собаки. После чего, подвывая, бросился на меня. Я стоял в каком-то оцепенении. Открытый и беззащитный. Но в последнее мгновение очнулся и, защищаясь, выставил ладонь тыльной стороной вперед. Человек этот наткнулся на нее, как на стену, упал и затих. Я подошел к нему. Передо мной лежал человек с собачьим лицом. Это

была настоящая собачья морда, с мощными челюстями и черным, вечно влажным носом. Несколько секунд он лежал неподвижно, потом открыл глаза и, увидев меня, склонившегося над ним, с криком: «Оборотень! Оборотень!» добежал до ивового кустика и с шумом провалился в свой неведомый мне мир.

Я вернулся домой и закрыл дверь на крючок. Для Луши, как успел убедиться, входная дверь не требовалась. Однако я ошибся. Вскоре послышались ее шаги в сенях. Жесткая маленькая ладошка нетерпеливо стукнула в дверь. Я откинул крючок. Это была она. Легкая, свободная порхнула в комнату и уселась на стуле, смешно прихлопывая ладошкой по столешнице.

— Так что же ты, миленький, так встречаешь Лушу? Ни горячего чая, ни горячего поцелуя? Ах, я бедная! — притворно вздохнула она и рассмеялась.

Я чувствовал, что не могу налюбоваться ею. И кровь, как молодое вино, ударяет мне в голову. Я пьянею, пьянею...

Господи, что же это? Неужели влюбился? И это я. Спокойный, уравновешенный, ни разу не позволивший себе влюбиться без памяти. И вот на тебе! Мне хорошо, мне изумительно хорошо!

Забыв обо всем на свете, делаю шаг по направлению к ней. Луша, чуткая, милая Луша, не отрываясь, смотрит на меня. Глаза ее улыбаются, и нестерпимое сияние исходит от них. Как в бреду бормочу какие-то несвязные ласковости.

— Я ничего не понимаю, Сережа, ты что-то хотел сказать мне?

— Да, — бурчу я, боясь сказать ей о человеке с собачьим лицом. И принимаюсь молоть какую-то чепуху, презирая себя за это.

— Так говори же, плут, — засмеялась она, — что скрывается за словами твоими? Что за огород нагородил ты передо мной и зачем?

— Ты пришла сюда из мира людей-собак? — наконец решаюсь я. — Это правда?

— В некотором смысле да, — кивнула она важно, — но откуда ты знаешь об этом?

Я коротко рассказал ей о встрече со странным человеком.

— Ах! — воскликнула она с милым негодованием. — Опять этот Пашка! Он всюду преследует меня, чтобы доказать жителям деревни, что я ведьма! Это самое страшное преступление в мире людей-собак.

— Луковка, но ты не похожа на этого человека! Кто же ты?

Лицо Луши стало серьезным, она внимательно посмотрела на меня:

— Ты умеешь хранить тайны?

Я кивнул.

— Так слушай же и постарайся понять меня! Я попала в собачий мир совершенно случайно из другого мира. Мой отец астронавт-исследователь. Он постоянно возглавлял научные экспедиции в параллельные миры. И вот однажды отец не вернулся из очередной экспедиции. Вернулись все, кроме отца. Его близкий товарищ рассказал маме, что однажды их корабль оказался в мире, где все люди были с собачьими лицами. Отца это очень заинтересовало. По специальности он ученый-антрополог. Утром отец ушел в деревню собирать научный материал, а в условленное время не вернулся на корабль. Члены экспедиции искали его, расспрашивали жителей деревни, но те лишь испуганно трясли головами и крестились. Товарищи отца с тех пор почти регулярно делают остановки в этом странном мире, надеясь найти его там. Отец мне много рассказывал о параллельных мирах, о том, как они мирно сосуществуют на земном шаре, взаимно пересекаясь и не замечая друг друга. И о том, что между мирами есть так называемые ниши или лазы. Их немного и потому невероятно трудно найти. Астронавты находят их с помощью специальных, очень чувствительных приборов. Когда пропал папа, я вспомнила рассказы его и стала искать такой лаз-проход в параллельный мир людей-собак. Я была очень наивна, но верила, что рано или поздно найду то, что ищу. Неподалеку от нашего дома, в котором мы жили с мамой, моим младшим братом и овчаркой Найдой, рос ничем не примечательный ивовый кустик. Я заметила, что когда прохожу мимо кустика, то иногда слышу странные посторонние звуки: собачий лай, топот ног, какие-то стуки и тупые удары, даже пение птиц. Найда же поджимала хвост и убегала. Я подумала: «А что если это то, что так безуспешно ищу?» Однажды я решила и медленно вошла в куст. Что-то затрещало, то ли сломанные ветки, то ли электрические разряды. Найда с рычанием, ухватив зубами за платье, вытащила меня из куста. Тогда я, запе-

рев собаку в доме, подошла к этому загадочному месту и легла на землю. Я поняла, что ниша очень мала, в нее можно только проползти. Закрыв глаза и набрав в грудь больше воздуха, скользнула в нишу. Когда я выскочила из лаза, то искры потекли с моего платья, как цветная вода. Я села и заплакала. Я поняла, что нахожусь в другом, неизвестном мире. Мне стало страшно. Я встала и пошла. Первым, кого я встретила, был Пашка, тот самый, что пытался напасть на тебя. Он обнюхал меня и сердито зарычал. Запах мой ему явно не понравился. Отбежав метра два в сторону, он, задрвав длинную рубаху, поднял ногу и помочился на березку. Потом, что-то крикнув, схватил меня за руку и потащил за собой в деревню. Возле двухэтажного деревянного дома мы остановились. Пашка что-то коротко крикнул. Ему ответили, и на крыльцо вышел бородатый мужик. Как я узнала впоследствии, это был староста Силантий. Яркая полная луна освещала нас. Пашка что-то сказал Силантию, тот согласился кивнул своей пышной бородой. Подбежал ко мне, обнюхал, после чего схватил за руку, распахнул ворота какого-то сарая, вероятно, предназначенного для хранения сена, втолкнул в него и запер на замок. Я легла прямо на землю и уснула. Разбудили голоса. Ворота сарая распахнулись. Передо мной стоял Пашка. Он схватил меня за руку, вывел из сарая, передав Силантию. Силантий поставил перед толпой мужиков и баб, жителей деревни. Мужики и бабы постарше, разглядывая меня, крестились, молодые парни, подловив зазевавшуюся молодуху, с рычанием бросались к ней. Визг поднимался невероятный. Вдруг все смолкло. К толпе подъехала повозка. С повозки, запряженной парой лошадей, спрыгнул человек с бульдожьим лицом. Он обнюхал меня и недовольно поморщился. После чего стал что-то напевать и креститься. Толпа старательно повторяла каждый звук, что произносил этот человек. После песнопений человек с бульдожьим лицом долго объяснял жителям, чтобы они не беспокоились. В скором времени он собирался забрать меня к себе в имение в качестве прислуги. Толпа одобрительно кивала головами. Позже я узнала, что зовут этого человека отец Николай или святой. Меня поселили в доме старосты на

верхнем этаже, заперли на замок, хотя бежать я и не собиралась. Это был тот самый мир, о котором рассказывали астронавты, когда пропал папа. Станный мир. Время здесь практически стоит на месте. Старики здесь всегда старики, люди среднего возраста всегда среднего возраста. Дети так и остаются детьми. Это мир истинного бессмертия. Здесь никогда ничего не растет и не изменяется. Трава, съеденная коровой за день, к утру следующего дня возвращается на то же место, где была съедена. Срубленное дерево обязательно вернется и встанет на свой собственный пенек. Убитая, разделанная и съеденная людьми овца к утру следующего дня как ни в чем не бывало пасется на лугу вместе с другими овцами. Ни одна женщина здесь никогда не родит ребеночка, хотя сексуальная жизнь бьет ключом. Мир этот очень маленький. В нем всего лишь одна деревня, имение отца Николая и небольшой хуторок. Я долго по ночам искала ту самую полянку и тот самый ивовый кустик, сквозь который попала в собачий мир. Когда же нашла, то поняла, что обратный путь мне отрезан, так как лаз этот конической формы. Широкая его часть в моем мире, узкая часть лаза находится в мире людей-собак, я с трудом смогла просунуть в него руку. Но это не важно! Зато я знаю, что в деревне отца нет. На хуторе тоже нет, так как хутор не охраняется. Дом же святого находится под усиленной охраной. Значит, отец там! Рано или поздно я узнаю, где святой прячет отца, и спасу его!

— Луковка, ты забыла обо мне! — напомнил я.

— Разве я могу отказаться от твоей помощи, Сережа, — коротко вздохнула она, — но тебя может постигнуть участь моего отца! А я всего лишь маленькая девочка, и святой не посмеет отнестись ко мне плохо. Если ты хочешь помочь мне, не показывайся им на глаза! Я прошу тебя! Иначе мы погибнем оба!

— Я постараюсь быть невидимкой в мире людей-собак, — кивнул я, — но для этого ты должна научить меня левитации, то есть входить в состояние, когда вес собственного тела становится легче воздуха. Научи меня этому! А еще симбуляции, то есть умению проходить сквозь стены!

Луша задумалась.

— Все равно Пашка поднял на ноги всю дерев-

ню, — наконец сказала она, — а Силантий обнаружил, что я исчезла из охраняемой комнаты, и доложил о происшествии святому. У нас с тобой в запасе целый день, чтобы научиться премудростям, о которых ты просишь. Ночью я незаметно вернусь в свою тюрьму, дом Силантия.

— А следующая ночь в деревне будет моей! — решительно заявил я.

Луша рассеянно кивнула и раскрыла медальон, висевший у нее на груди. Из медальона она извлекла желтый кристаллик, похожий на звездочку, и положила его мне на ладонь. Он тотчас истаял, растворился, исчез, не оставив на ладони и следа.

— А теперь будем учиться! — тоном строгой учительницы сказала Луша.

— Луковка, что это значит?

— С этой минуты у тебя появились способности к левитации и симбуляции, но, как известно, способности сами по себе ничего не значат, если их не развивать. Потому я и сказала, что будем учиться!

Симбуляцию я освоил достаточно быстро, но левитация долго не давалась мне. И только к концу третьего часа бесконечных тренировок я вдруг почувствовал, что могу входить в состояние, когда ощущение тяжести исчезает и я могу, поймав гибкую струю ветра, оседлав ее, подниматься над крышей, над деревьями в бесконечный простор неба. Еще час понадобился мне на то, чтобы освоиться с этим новым, непривычным для меня состоянием. Сложнейшие перевороты в воздухе, «бочки» и «петли» я отрабатывал до седьмого пота. И вот пришел момент, когда мы с Лушей, взявшись за руки, поднялись так высоко, что стало трудно дышать. Неожиданно Лушу стремительно потянуло в какую-то прореху в иссиня-темном облаке. Раздался треск электрических разрядов. Она сделала невероятный кульбит в воздухе, что помогло ей вырваться, буквально вывалиться из этой странной прорехи. Испугавшись за нее, я на какое-то мгновение потерял ощущение легкости, сорвался и камнем повалился вниз. Падая на летящую мне в лицо землю, я вдруг вспомнил, увидел перед собой изумительный свет Лушиных глаз. И это воспоминание сработало как парашют. Именно оно сумело замедлить смертельное падение мое. Я поймал встречную струю ветра и благополучно стал на-

бирать высоту. А мне навстречу на огромной скорости падала Луша. Она что-то кричала.

— Сере-е-жа-а-а! — услышал я в последний момент, и Луша схватила меня за руку.

Как только мы вернулись домой, солнце медленно, словно театральная декорация, скрылось за горизонтом. Пришло время расставания. Я поклялся, что следующей ночью обязательно приду в деревню людей-собак и мы вместе придумаем, как спасти отца. Она слушала меня невнимательно, о чем-то неотступно думая. Вскоре милый абрис ее фигурки с характерным хлопком растаял на фоне темной бревенчатой стены. Стукнул во дворе камешек, сбитый неосторожным каблучком, и все стихло.

Спал я беспокойно. Все утро и весь день проболтался как неприкаянный. В полночь вышел во двор. С озера дул холодный, пронизывающий ветер. Я подошел к ивовому кусту и шагнул в неизвестность. Меня обожгло, как крапивой, посыпались разноцветные искры. По инерции я сделал еще шаг. Разумом я понимал, что нахожусь совершенно в другом мире, хотя передо мной стоял точно такой же дом с широкой крышей. Лишь окна дальних комнат светились. Слышались женский смех и плач ребенка. За домом я увидел такое же озеро, заросшее высокими камышами. Слева мигала редкими огнями деревня.

— Пашка! Куда это ты на ночь глядя? — окликнул меня грубый мужской голос.

— Счас вернусь! — так же грубо и хрипло, скорее от того, что сразу пересохло в горле, ответил я.

— Я что тебе сказал, мать твою! — вновь загрел тот же голос. — Бегаешь туда-сюда! Делать, что ль, нечего?

— Пошел ты! — огрызнулся я и услышал быстрые наступающие шаги.

Слевитировав, я почти мгновенно набрал скорость и полетел прочь, почти касаясь животом поверхности земли. Обогнув угол какого-то дома, шмыгнул за высокую поленницу. Высокая темная фигура торопливо прошагала мимо. Потом остановилась. Человек внимательно оглядывался, прислушиваясь. Он явно что-то почувствовал. Постояв немного, вернулся, покрутился по двору и вдруг шагнул к поленнице. Я замер. Человек явно приняховился. Ноздри его раздувались, он крутил носом, ста-

раясь поймать ветер. Но ветер дул с озера такой же холодный и пронизывающий, как и там, за невидимой перегородкой, отделяющей один мир от другого. Человек скрылся за углом и вновь вернулся. Что-то неуловимое не давало ему покоя. Он вновь подошел к поленнице и принялся тщательно обнюхивать поленья. Несмотря на плотные сумерки, я разглядел его. Это был Пашка, тот самый парень, напавший на меня у озера. Только лицо его показалось мне старым и дряблым. Наконец Пашка отошел от поленницы, постоял, раздумывая, повернулся и вялой походкой побитой собаки пошел к своему дому. Вскоре в одном из окон затеплился слабый огонек то ли свечи, то ли лучины. Только после того как погас последний огонек в доме, где жил Пашка, я с большими предосторожностями выбрался из поленницы и, слевитировав, медленно полетел между домами. Где искать Лушу, я не знал. В ночной темноте, слегка подсвеченной тусклой луной, все дома казались одинаковыми. Отчаяние овладело мною. Вдруг дверь в доме, возле которого я остановился, распахнулась и игривый женский голосок окликнул меня:

— Паше-е-чка-а-а! Душенька мо-о-о-о-я-я-я!

— Я! Я! — дурашливо откликнулся я, понимая, что меня явно принимают за известного мне Пашку. В данной ситуации мне оставалось одно — играть в обманку. Миловидная бабенка с лицом кудрявой болонки, раздувая ноздри, обнюхала меня с ног до головы.

— Фи-и-и! — поморщилась она. — Что это с тобой, дружок? С какой дрянью ты общался сегодня? У тебя точно такой же запах, как и у этой вонючей Лушки! А ты часом не спал с ней?

— Ты что, баба, белены объелась? — возмутился я, и получилось это у меня почти естественно.

— У-у-у! Гадина! — бабенка погрозила пухлым кулачком в сторону довольно солидного дома с высоким крыльцом.

Сердце мое замерло. Забывшись, я сделал шаг в сторону, туда, где, возможно, ждала меня Луковка.

— Куда это ты, мой миленький? И не надейся, дорогой! Никуда я тебя не отпущу, мой сладенький!

Она чуть отстранилась и сделала приглашающий жест. Пришлось войти. Я понимал, что стоит мне сделать один неверный шаг, и нач-

нется великий шум, а потом и великое преследование. Если уже не началось. Пашка просто так поленницу обнюхивать не будет! Возможно, он уже идет по моему следу. Но как отвязаться от любвеобильной бабы?

Она провела меня в уютную спальню с широкой кроватью. Сбросила халатик и повалилась на постель, широко раскинув пухленькие ножки. Не сказав ни слова, я пулей вылетел на улицу. Метнулся к дому Силантия, но остановился. Вовремя пришла мысль запутать следы. Слевитировав, низко, почти у самой земли, облетел несколько домов и оказался метрах в двадцати пяти от дома старосты и метрах в пяти-шести от дома, где жила любвеобильная бабенка. Если преследователи и были, то я, как говорят охотники, увел запах. В этом я убедился, когда неслышной иноходью с горящими глазами из-за угла выскочил Пашка и завертелся на месте, путаясь в следах. На спине его болтался старинный боевой лук. Колчан со стрелами бил по ногам. Со свистом втягивая воздух, Пашка бросился на крыльцо. Что и говорить, наследил я там предостаточно. В тот момент, когда Пашка, повизгивая, обнюхивал ступеньки, дверь распахнулась. Спустя секунду боевой лук со стрелами уже летели куда-то в темноту. В следующее мгновение голая женщина сладкой пиявкой впилась Пашке в губы, обхватив шею руками. Он так и вошел с ней в темные сени, и дверь за ними захлопнулась.

Забыв об осторожности, я слевитировал через дорогу и подошел к закрытой двери. Странное состояние овладело мною.словно в полусне, я медленно шагнул за порог сквозь запертую дверь. Я прошел сквозь нее, как сквозь плотный, мокрый песок, и выдрался уже в сенях.

— Это же так просто! — равнодушно подумал я, устремляясь вверх по лестнице к чердачной комнате. Чем я руководствовался, что вело меня? Может быть, вела сама любовь к девочке, которую почти не знал, но уже готов был отдать за нее жизнь? Какой-то мужик спал прямо на ступеньках, обхватив руками большой блестящий топор. Я пролетел мимо него и замер у дощатой двери.

— Ра-а-аз! — сам себе тихо скомандовал я и легко прошел сквозь тонкое дерево.

Лушенька спала на кровати, укрытая вместо одеяла какой-то грубой мешковиной. Я подошел к спящей Луше, не удержался и поцеловал ее.

— Ах! — вскрикнула она, увидев меня.

Этот произвольный крик разбудил мужика, спавшего на ступеньках чердачной лестницы. Слышно было, как он заворочался, встал, подошел к двери, прислушиваясь. Я даже дышать перестал. Мужик громко, со свистом втянул воздух, явно обнюхивая двери. Потом тяжело загрохотал вниз.

— Эй, Силантий! — крикнул он. — Сходи, слышь, сюда! Чтой-то дух теперича какой-то не такой!

Невидимый нами Силантий с большой неохотой отвечал, что в то время, когда ему с бабой спать положено, он не намерен неизвестно для чего ходить и нюхать пустые двери. Однако, прокричав все это, Силантий, ворча, поднялся и, шаркая подошвами, забрался по лестнице. С шумом втянул воздух и сплюнул.

— Нечистым пахнет, — понизив голос, сказал он.

— Что делать-то будем? — испуганным голосом спросил мужик.

— Запри дверь святым крестом, и все! Не вырвется! — уверенно сказал Силантий. — Пойду скажу Андрону, пусть за отцом Николаем съездит да записку мою отвезет!

Наложив на дверь святой крест, мужики, стараясь не шуметь, спустились вниз. И все стихло.

— Они меня едва не убили, Сережа, — тихо прошептала Луша, — как только вошла в деревню, меня заметил Пашка, обнюхал, отпрыгнул и закричал: «Ведьма! Ведьма!» Этим криком своим он поднял на ноги всех. В сопровождении почти всей деревни я дошла до дома старосты. Крик и лай стояли невообразимые. Пашка кричал громче всех. Из его практически несвязных выкриков я поняла, что он склоняет толпу к мысли об убийстве. Многие мужики и бабы кровожадно поглядывали на меня, злобно шелкая челюстями. Но староста Силантий, задвинув меня своей мощной дланью на крыльцо, сказал, что судьбу мою решит отец Николай. Если кто-нибудь из жителей желает за свои действия получить под левую лопатку зеленую иголочку из стеклянного ружья, тот пусть попробует напасть на то,

что ему не принадлежит. После этих слов из толпы словно выпустили воздух. В считанные секунды перед домом остался только Пашка.

— Боже мой, Сережа, как он постарел. Лицо стало дряблым и старым. Из молодого парня он превратился в шестидесятилетнего мужика. Я это заметила еще там, когда выскочила из лаза!

— Я, кажется, догадался, Луковка, что произошло с Пашкой! Из мира вечного бессмертия, где время остановилось, он вошел в мир, где время движется. И тотчас в его организме включился невидимый механизм, его биочасы. За те пять минут, что он провел в параллельном мире, его биочасы отсчитали ровно пятьдесят лет. Пашка заразился вирусом живого времени. Над всеми этими людьми висит какое-то страшное проклятие? Откуда этот мир взялся, что здесь произошло?

Под утро за стеной послышались скрип колес, громкие голоса мужиков. Слышно было, как кто-то, взобравшись по лестнице, отпирает замок, висевший на двери.

Я спрятался под кроватью. Лушу увели, дверь заперли. Как только стихли шаги, я легко симбулировал на чердачную лестницу. Спустившись по ней, остановился у бревенчатой стены, за которой слышались взволнованные голоса.

— Ведьма! Ведьма! — кричал кто-то, заходясь в злобном крике.

— Тихо, господа селяне! — густым басом прогудел Силантий. — С вами будет говорить святой! Известный вам отец Николай!

Толпа стихла мгновенно. Слышно стало, как бьется муха в желтое доньшко бычьего пузыря, вставленного в раму вместо стекла, да трясут уздечками лошади.

— Кто из вас может доказать, что эта девушка ведьма? — спросил у толпы мягкий, вкрадчивый голос.

— От нее дурно пахнет, потому что она с нечистым якшается! — заголосили бабы.

— Эта стерва по вечерам куда-то бегают! Пашка видел! — закричали сразу несколько голосов.

— К Пашке и бегают! — отозвался дурашливый молодой голос. — Сам видел, как из его двора выскочила и как ошпаренная по деревне засакакала! Это уж точно. Пашка с ней шурымуры крутит!

В толпе засмеялись.

— Не ко мне она бегаёт, а к нечистому! — заскулил Пашка.

— И ты, Паша, это можешь доказать? — спросил все тот же вкрадчивый голос.

— У нее запах не наш! Она ведьма!

— Ведьма! Ведьма! — подхватили нестройные бабы голоса.

— Это я уже слышал, — с деланным равнодушием отозвался все тот же голос.

— Да чего тут гадать! К нему она ходит, к Пашке! — прогудел чей-то бас.

— Ну, вот видишь, Паша, — почти ласково проворковал голос, — значит, ты и есть нечистый!

— Нечистый! Нечистый! — радостно и облегченно завопила толпа, так легко и неожиданно открывшая для себя истину. — Он и есть нечистый! Пашка — нечистый!

Слышно было, как Пашка растерянно заскулил.

— Ти-и-ихо! — крикнул Силантий. — Предлагаю, господа верующие, потребовать от Павла доказательства! Пусть представит нам доказательства, чем и докажет, что он такой же, как и все мы, честный христианин!

— Правильно! Пусть докажет! — закричали в толпе.

«Кажется, пора в этот хорошо отрепетированный спектакль внести некоторую сумятицу», — решил я и немедленно симбулировал сквозь стену. Стена была сложена из сухих прочных бревен. Видимо, я слишком переволновался и потому едва не застрял в ней. Постояв мгновение в плотной древесной массе и чувствуя, что начинаю задыхаться, все-таки сумел поймать состояние. С резким хлопком выдрался из столетних бревен. Однако никто не обратил на меня никакого внимания. Толпа смотрела на Пашку, который лишь растерянно махал руками. Сельчане весело смеялись, взвизгивая и взлаивая, ощеривая клыки. Я встал между Лушенькой и Силантием.

— Добрый день честной компании! — сказал я.

Сказал я негромко, но меня услышали все. Почти сразу смолкли голоса, и толпа замерла. Пашка завертел головой, не понимая, что произошло. Наконец, увидев меня, он выбросил вперед руку и завопил:

— Оборотень! Держи его! Бей его!

Толпа безмолвствовала.

— Ты считаешь, Паша, что этот человек оборотень, и можешь доказать это? — спросил святой.

— Я докажу! — вне себя от ярости и бессильной злобы завопил Пашка. Он бросился вон из толпы, расталкивая сельчан локтями. Утро было жаркое и ясное. С пригорка было видно, как Пашка, не добежав десятка метров до своего дома, растворился вдруг в воздухе без следа. Толпа ахнула.

— Пресвятая Мать Богородица, спаси и помилуй! — зашептали сельчане, неистово крестясь и кладя поклоны. Никто не расходился, все ждали, что же будет дальше. Минуты через две толпа вновь испуганно ахнула, когда Пашка вылутился из воздуха, из ниоткуда, с каким-то предметом в руках. Бежал он на вялых, подгибающихся ногах, и очертания его фигуры плыли, постоянно сбиваясь в нерезкость. В конце концов Пашка добрался до пригорка, шатаясь, пробрался сквозь толпу, повернулся, и толпа еще раз ахнула, но громче и удивленнее. Перед ней стоял Пашка, но за две минуты постаревший на двадцать лет. Теперь это был древний старик. Старик показал толпе предмет — доказательство. Это была моя старая велюровая шляпа.

— Вот доказательство! — с трудом прошамкал он и смачно выплюнул несколько желтых полуразрушенных зубов.

— Скажи нам, где ты это взял? — спросил святой.

— Вот у него! Он оборотень! — хрипло и беззубо просипел Пашка.

— А кто ты, Паша?

— Честный христианин! — прошамкал старик и перекрестился.

Все ждали, что после этого Пашка исчезнет, испарится. По глубокому убеждению толпы, ни одно бесовское отродье не выдержит наложенного на него святого креста. Но старик Пашка стоял на своих полусогнутых, изо всех сил пытаясь выпрямить впалую грудь. Он торжествовал.

— Нечистый! — вперяя в меня иссохший палец, верещал он. И впалые глаза его горели истовым огнем.

— Нечистый! — завопила толпа.

Отец Николай, уловив момент, поднял руку, и крики смолкли.

— Вы верите мне, христиане? — спросил он мягко, но твердость и решимость чувствовались в его голосе. — Я никогда не обманывал вас и принимал решения, которыми вы всегда оставались довольны! Правильно я говорю, христиане?

— Правильно! Верно говоришь!

— Значит, какое бы решение в отношении этих людей я ни принял, вы будете считать его богоугодным делом! Не так ли?

— Так, святой отец! Так! — закричала толпа. — Делай, как угодно Богу, святой отец! Мы согласны!

— Так слушайте же, христиане, мое решение, продиктованное мне свыше! — сладко пропел святой, для большего эффекта вздымая руки над головой. — Сегодня эта девушка, заблудшая овечка христова, и этот юноша — заблудший агнец христов, поедут со мной в мою божью обитель. Там, в доме божьем, с помощью молитв божьих, с помощью слова христова, я избавлю их души от лукавого, изгоню бесов сатанинских!

Толпа ответила ему веселым шумом и лаем.

— Садитесь на телегу быстро! — шепотом командовал нам кучер отца Николая.

— А ты, брат Павел! — обратился святой к Пашке. — За то, что пострадал от лукавого, будешь отныне моей тайной ищейкой! Во имя отца и сына, и святого духа! Аминь!

Я старался не смотреть на Пашку. На его перекошенный от злобы подбородок текли старческие липкие слюни.

Кучер вспрыгнул на облучок. Отец Николай, блаженно улыбаясь, уселся рядом с кучером, и телега покатила. Когда мы въехали на пригорок, с которого открылся вид на деревню, на площади, перед бывшим пристанищем Лушеньки, уже никого не было. Дорога была длинной и скучной, телегу трясло. Я спрыгнул и пошел рядом. Луша тоже сошла с телеги. Мы взялись за руки. Мы не знали еще, какие страшные и мучительные события ожидают нас. Вскоре мы подъехали к длинному и мрачному дому. За домом виднелся такой же длинный и мрачный скотный двор, далее конюшня и амбары. Все это было обнесено высоченным двухметровым забором. По углам забора стояли четыре сторожевых вышки с часовыми. «Зачем это нужно святому? — подумал я. — Какой смысл? Однажды из этого мира ушла смерть, и наступило бессмертие, жизнь ос-

тановилась на точке замерзания. Этот мир похож на часы, механизм которого заведен, а стрелки и маятник стоят на месте. Точнее, это похоже на шестеренку, у которой срезало все зубья и механизм времени никак не может войти с ней в зацепление, стронуть ее с места».

Так думал я, въезжая, совершенно добровольно, в ворота загадочной тюрьмы, даже не представляя, что ждет меня здесь, положившись на «авось», доверив свою и Лушину судьбу провидению.

Отец Николай пригласил нас в дом. Мы вошли в сени, повернули направо и оказались в полутемной зале. Там стояло несколько длинных грубо сколоченных столов. Как только мы вошли, откуда-то из-за тяжелой портьеры вынырнул человечек. Маленькая, тонконогая собачка. Святой, все так же улыбаясь нам, что-то шепнул человечку-собачке на ухо. Человечек широко улыбнулся, подмигнул Луше и исчез. Спустя минуту на стол, за которым сидели мы, легла белоснежная скатерть. Два мужика с мрачными собачьими мордами принесли кастрюлю дымящегося мясного супа. На второе была жареная картошка со свиной, на третье компот. Хлеб был мягкий и пахучий. Проголодались мы с Лушей изрядно и потому набросились на еду с удвоенной энергией. Вдруг к концу трапезы я почувствовал, что меня неудержимо клонит ко сну. Боковым зрением успел заметить, как отец Николай, прищурив хитрые глазки, внимательно наблюдает за нами. И вдруг голова Лушеньки с громким стуком опустилась на столешницу. Я попытался встать. Но силы оставили меня, я повалился на стол, сбивая тарелки и теряя сознание. Сознание вскоре прояснилось, но я не мог даже шевельнуться. В залу, как по команде, вбежали трое борзых молодцов в белых одеяниях. Я не видел, куда исчезла Луша, потому что меня выгребли из тарелок, быстро раздели, положили на свободный стол, перевернули на живот, провели чем-то продолговатым по спине и вдруг сильно ударили под левую лопатку. На этом все кончилось. Меня вынесли из залы, быстро пронесли по какому-то длинному полутемному коридору и внесли в узкую, как гроб, комнату-келью. Положили на постель, накрыв с головой ватным одеялом. Как только все вышли и шаги тюремщиков

смогли в отдалении, я попробовал приподняться. Посидев на постели и преодолевая головокружение, встал. Сделал несколько шагов по направлению к двери. Голова моя кружилась. Я толкнул дверь и вышел в коридор. В этот момент меня здорово качнуло, и я попал рукой в дверь соседней кельи. Дверь распахнулась. На кровати сидел какой-то человек. Увидев меня, он привстал в сильном волнении.

— Что же вы стоите? — спросил он глуховатым голосом. — Входите и постарайтесь сделать это как можно быстрее. Могу поздравить вас. У вас невероятно сильный организм, способный сопротивляться действию этого ужасного яда, который превращает человека в тюфяк, в тряпку, способную лишь исполнять чужую волю! Я видел вас час назад, когда вы въехали во двор с начальником этой тюрьмы!

— Тюрьмы? — притворно удивился я и в то же время подумал: — Какое знакомое лицо! Где я мог видеть этого человека?

— Это хуже всякой тюрьмы, — отвечал незнакомец. — Кто же вы? Не бойтесь, здесь не подслушивают, хотя у них есть более изверские способности. Так кто же вы?

— Даже не знаю, что вам сказать и как сказать... — заборотал я.

— Не доверяете? И правильно делаете, — согласился он. — Я тоже не доверяю здесь никому! А кто та девушка, что была с вами? Мне она показалась очень знакомой. Жена, невеста? Её, вероятно, поместили после соответствующей обработки на женской половине!

— Обработки?

— Да, — спокойно подтвердил он. — Вот полюбуйтесь!

Он задрал рубашку и повернулся ко мне спиной. Я увидел под левой лопаткой маленькую ядовито-зеленую бусину.

— Что это?

— Сильнодействующий яд, — последовал ответ. — Благодаря этой бусине я потерял волю и выполняю любые приказания! Могу убить и не буду испытывать мук совести. По приказу святого я могу сделать все что угодно. Но потом, когда остаюсь один на один с самим собой, я испытываю ни с чем не сравнимые муки совести! Это ужасно! Иногда мне кажется, что я медленно схожу с ума!

— Так в чем же дело? Давайте я помогу вам и выдерну иголочку с ядом!

— Делать этого ни в коем случае нельзя! — в испуге замахал он руками. — Я просто умру на месте!

— Откуда вам известно, что умрете?

— Об этом меня предупредил святой.

— Так выдерните у меня, наверняка и мне тоже воткнули нечто подобное!

— Нет, нет! — замахал он руками. — Я не хочу вашей смерти! Я уже забыл, когда разговаривал вот так, как сейчас с вами! И не просите!

— Ну, хорошо! — согласился я. — Не будем рисковать. Так кого же вы убивали?

— Животных! Одну корову с белой звездочкой на лбу я убивал бесчисленное количество раз! Свинью по прозвищу Машка столько же! Убью, разделаю, а на следующий день святой приказывает убить её снова. Это ужасно, друг мой! Это непереносимо — слышать предсмертные крики животных!

— Бедняга! — подумал я. — С головой-то у тебя совсем неважно!

И вдруг я понял, где мог видеть его. Незнакомец поразительно похож на Лушу! Конечно же, вне всякого сомнения, это был Лушин отец!

— Послушайте, Владимир Николаевич, — осторожно сказал я. — Я знаю, что вы астронавт и ученый антрополог. Вас разыскивает ваша дочь Луша.

— Откуда вам известно это? — воскликнул он в сильном волнении.

— Луша сама рассказала мне о вас, о вашей жене Екатерине Григорьевне, сыне Никоше, овчарке Найде. Мы прилетели с Лушей сюда, чтобы спасти вас!

— Вы совсем не похожи на астронавта, — возразил он.

— Вы правы, я не астронавт. Я пришел сюда из другого параллельного мира, не похожего на ваш мир. А с Лушей познакомился совершенно случайно. Мы пришли сюда, рискуя жизнью, чтобы спасти вас!

— Как вас зовут, юноша?

— Сергей!

— Так, значит, Сергей, там во дворе была моя Лушка? А я подумал, что у меня начались галлюцинации и я схожу с ума. И тем не менее я вполне доволен жизнью. Хозяин мне попался прекрасный! Я имею возможность работать как ученый. Мне не хватает буквально нескольких штрихов, чтобы сложилась полная и

ясная картина. Но я уверен в одном, что хозяин этого мира очень заинтересован в том, чтобы жизнь здесь в данном виде продолжалась вечно! Раз в десять дней мне меняют иглопочки. Сегодня как раз такой день. Знали бы вы, Сережа, с каким наслаждением я жду этого часа. Нет, вам не понять! Сегодня ночью, в крайнем случае завтра, работа моя будет завершена, но это ни о чем не говорит. В любом случае я остаюсь здесь до тех пор, пока мой скафандр и мое оружие — «лучемет» — у святого!

Я понял, что это информация к размышлению, на всякий случай, если все-таки я не ищейка святого.

— Прощайте, Владимир Николаевич, — пробормотал я с сожалением.

— Тихо, — шепнул он. — Сюда идут. Если нас увидят вместе, произойдет страшное!

— Что же будет?

— Вам добавят иглопочку или две и вы превратитесь в послушного идиота. В этом смысле я солидарен с отцом Николаем: «Если яд не действует, следует увеличить его дозу!»

Я пожал плечами и, покачиваясь, как от сильного ветра, держась за стены, вернулся в свою келью. За ним действительно пришли. Я повалился в постель, укрывшись с головой ватным одеялом, и притворился спящим. Служитель, заглянувший в мою келью, хмыкнул и притворил дверь. Соседа увели. Я слышал, как постепенно затихают шаги уходящих людей.

— Отец Луши сказал, что я умру, если выдерну иглопочку с ядом, — думал я, — а что если нет?

Я лег на живот и, почти вывернув руки в локтях, дотянулся пальцами до загадочного шарика. Чуть качнул его, и сознание мое поплыло в темный, неведомый край. Тогда, уже почти ничего не видя перед собой, крепко уцепившись пальцами за шарик, я выдернул иглу. Сколько я так лежал, не знаю. Очнулся, вернее проснулся, с ощущением бодрости и силы во всем теле. Между пальцами была зажата игла с ядовито-зеленой головкой. Одежда моя, состоящая из кроссовок и тренировочного костюма, в беспорядке была свалена в углу. Я оделся, сунув иглопочку в карман. В коридоре послышались шаги. Шли несколько человек и несли нечто тяжелое. Я притворился спящим, укрывшись с головой ватным одеялом. Слышно было, как за стеной что-то прошуршало,

потом тяжело упало на скрипнувшую кровать, хлопнула дверь, и шаги стали удаляться. Подождав некоторое время, я встал и вышел в коридор. Заглянув в соседнюю келью, увидел Лушиного отца, ничком лежащего на постели. Откинул одеяло, задрал рубашку и увидел под левой лопаткой ядовито-зеленую бусину. Отец дышал тяжело, с натугой. Я захватил бусину ногтями и дернул ее на себя. Иголочка внешне ничем не отличалась от моей. Я так же сунул ее в карман. Отец вдруг чмокнул губами и повернулся на бок. Дыхание стало ровным. Я укрыл его одеялом и вышел. Третья келья оказалась пустой. Дверь из коридора в соседнее помещение была заперта. Я легко симбулировал сквозь тонкую преграду и оказался в симметричном коридорчике с двумя кельями. Это была явно женская половина тюрьмы. Наугад толкнул дверь в первую келью.

— Кто тут? — спросил уверенный женский голос.

Так как я не отвечал, с постели поднялась солидная дама в ночной рубашке.

— Это ты, Корнелий? Что тебе надо?

Не дождав ответа, брызжа слюной, рассыпая проклятия в адрес несчастного Корнелия, бросилась ко мне. Ее крепкий кулак был явно нацелен в мою переносицу. Я перехватил ее руку, вывернул и толкнул от себя. Надзирательница, теряя равновесие, довольно сильно ударилась виском о дверной косяк, сползла на пол и затихла. Выбежав в коридор, я захлопнул дверь, повернул ключ в замке, после чего ключ сунул под коврик, лежащий перед дверью. Осторожно заглянув в соседнюю келью, увидел Лушеньку. Она лежала ничком, не подавая признаков жизни. Откинув одеяло, задрал рубашку и выдернул ядовитое жало. Как только я сделал это, Луша легко вздохнула, щеки ее зарделись. Вдруг совсем близко послышались тяжелые шаги и голоса. Явно шел не один человек. До сих пор мне везло, но кто знает, что может произойти, если я столкнусь с несколькими хорошо тренированными служителями. Неизвестно еще, какое оружие есть у них. Я с трудом забрался под кровать, прижавшись к стене. Вошли трое.

— Куда это Софья подевалась? — недовольно спросил крепкий мужской бас. — Дверь на ключ заперта!

– Чай небось с Аннушкой распивает! – отозвался мягкий баритон.

– Девка-то под наркозом! – сказал бас нерешительно.

– Может, Софью подождем? – спросил баритон.

– Как же! Дождешься ее! – отозвался жиденький тенорок. – А приказ надо исполнять! Святой ждать не любит!

– Держи девку за ноги! – решительно командовал обладатель баса. – А мы с Бикешей ее под мышки подхватим!

– Девка-то страшновата на вид, – сказал писклявый тенорок.

– И чем она святому приглянулась? – удивился баритон.

– А тем и приглянулась, что баба она! Баба ему нужна и более ничего!

Я похолодел. Так вот оно что!

Мужики, гремя сапогами, вынесли Лушу из кельи и затопали по коридору. Я, ориентируясь на шум, последовал за ними. Увлечшись симбуляцией сквозь стены и дощатые двери, не заметил охранника, стоявшего в «секрете». Он внезапно бросился на меня, намереваясь сбить с ног. И тут я почувствовал, что у меня между пальцев все еще зажата иголочка, выдернутая из Лушиной спины. Резко выбросив руку с иголочкой вперед, я попал охраннику в шею. Он дернулся и затих. Я оттащил его обмякшее тело в темный угол. Прошел еще с десятков метров и вдруг увидел перед собой широкую лестницу, ведущую на второй этаж. На цыпочках легкими прыжками взлетел наверх. Пробежав по обширной зале, едва успел шмыгнуть за бревенчатый выступ, когда, скрипнув, распахнулась ранее невидимая дверь в стене. Три мужика, кланяясь, шупая задами дорогу, дабы не оступиться, вылупились из господской опочивальни. Дверь хлопнула, закрываясь, и клацнул замок.

– Ишь, – густым басом сказал высокий мужик, – словно кот возле сметаны, вокруг девки заходил!

– Пондравится, дак и в жены себе вместо Клашки определит, – тоненьким тенорком сказал тщедушный мужичок.

– Не пондравится! – отозвался мужик среднего роста, обладатель баритона. – У нее рот видали какой? Ни ощериться, ни клыками щелкнуть!

– Да у нее и клыков-то нету! Разве это девка! – поддержал густой бас. – И чего святой возится?

– Чего, чего, – хмыкнул тщедушный, – я же говорю, баба она молодая, вот и возится! Надоест, из стеклянного ружья щёлкнет, и поминай как звали!

Мужики прошли мимо меня и стали спускаться по лестнице.

– Ну, держись, святой! – прошептал я, симбулируя сквозь стену. Симбуляция прошла удачно, почти без хлопка, скорее всего потому, что стенка оказалась дощатой. И еще удача состояла в том, что я оказался за спиной у святого, который в одних подштанниках сидел на низкой постели и хлопал Лушу по щекам. Наконец Луша очнулась, открыла глаза и вскрикнула. Я протянул руку к одежде отца Николая, в беспорядке сваленной на стуле. Мне повезло в третий раз. Я нашел то, о чем говорил Лушин отец. Это было оружие высоко-развитых цивилизаций. Кривой цилиндр с кнопкой серого цвета. Увидев, что Луша открыла глаза, святой, сладострастно хихикая, вскочил на постель и сдернул подштанники.

– Эй! – негромко окликнул я.

Святой оглянулся, злобно тявкнув, как собачонка, присел, готовясь к прыжку. Все его поведение говорило о том, что он и не собирается нападать на меня. Он уже сообразил, что «лучемет» у меня в руках, и потому прыжок его пришелся в дальний угол комнаты, где стоял небольшой стеклянный шкаф. На прозрачных полках шкафа были разложены стеклянные трубочки с разноцветными поршеньками внутри.

«Не те ли стеклянные ружья, о которых толковали мужики?» – подумал я.

Пока отец Николай готовился к прыжку и пока, сильно толкнувшись, летел к шкафчику, я успел три раза нажать на серенькую кнопку. Три раза тонкий луч мощно щелкнул по шкафчику. Первым лучом я превратил в пыль содержимое верхней полки. Вторым смел все со средней. Третий оказался менее удачным. Он расколол нижнюю полку пополам, и вся звенящая стеклянная гадость покатила по полу. Святой, попав ногами на эти стекляшки, не сумел погасить скорость и врезался лицом в стену. Но тут же с проворством вскочил на ноги, держа в руках цилиндр с красным пор-

шеньком. Раздался легкий хлопок. Я инстинктивно пригнул голову, и тонкая иголочка, свистнув комариком, воткнулась в стену за моей спиной. У следующего, оказавшегося у него в руках, я сумел отстрелить иголочку, даже не целясь. Легкая иголочка, полная зеленого яда, описала в воздухе кривую и попала в пламя свечи, стоявшей на столе. Я увидел, как раскаляется иголочка и зеленое облако окутывает свечу. Вдруг, словно подкинута невидимой рукой, свеча взмыла под потолок и там взорвалась с ужасающим треском, залепив поверхность потолка каплями горячего воска. Отец Николай дернулся от неожиданности, спустившиеся подштанники затрещали, и он сел задом на битое стекло. Когда он приподнялся, я едва не прыснул от смеха. Его рыхлый бабий зад был усеян головками воткнувшихся иголочек и налипшими осколками стекла. Святой повалился на стекляшки еще раз, лицом вниз.

Мы с Лушей, не тронув замка, симбулировали сквозь стену, пробежали полутемную залу, спустились вниз по лестнице, счастливо избежав встречи со служителями. На первом этаже вновь прошли сквозь стену и оказались в узком промежутке между зданием и забором. Пришлось симбулировать еще раз. За забором мы без сил повалились в высокую траву. Часовые перекликались на сторожевых вышках. Сумерки сгущались, и вскоре стало совсем темно. Мы попробовали слевитировать. Я с трудом приподнялся над травой на полметра, у Луши не хватило сил и на это. Яд все еще давал о себе знать. С большими предосторожностями мы побрели в сторону далекой полоски леса. Вскоре вышли к распаханному полю. До леса мы брели часа четыре. Раза два срывались из-под ног ночные птицы. Несколько раз выглядывала из прорех между облаками луна. И тогда, застигнутые врасплох ее ярким светом, мы падали на землю, терпеливо дожидаясь, когда же ночная красавица соизволит убраться и мы сможем продолжить свой опасный путь.

В лесу было тихо. Мы вышли на широкую поляну, похожую на арену цирка, совершенно правильной, круглой формы.

— Здесь и остановимся, — тихо сказал я.

На краю поляны я пригнул три небольшие

березки, связав их вершины. Наломал хвои, ободрав для этого несколько елочек. Получился уютный шалашик. Мы уснули на упругой постели из хвои. Первым проснулся я. Показалось солнце, и его первые горячие лучи побежали по лесу. Вдруг какая-то лохматая птица задела меня крылом по лицу. Еще одна пролетела на расстоянии вытянутой руки. Я пригляделся. От нашего шалаша по направлению к ободранному мною елочкам летели вовсе не птицы, а ветки хвои. Казалось, чья-то невидимая рука раскидывает их по деревьям. Каждая веточка вставала точно на свое место. Связанные вершинами березки сами собой развязались. Луша проснулась от того, что лежащие под нею еловые лапки пытались выбраться. Они даже попискивали от невероятного усилия. Луша вскочила на ноги, и ветки тотчас улетели, утвердившись на деревьях, расправляя помятые иголки. Через минуту все елочки уже прихорашивались как ни в чем не бывало.

— Сегодня ночью мне приснился отец, — наблюдая за елочками, сказала Луша. — Он улыбался и звал меня.

— Я видел твоего отца, Луковка, и разговаривал с ним в доме святого!

— Мой папка жив? Он жив? — воскликнула Луша, смеясь и плача одновременно. — Но почему он не ушел с тобой? Почему?

Я передал Луше наш разговор.

— Похоже, он не поверил мне, — добавил я, — но сказал, что работу свою заканчивает сегодня днем или завтра ночью. Это уже что-то. Будем ждать. Если все нормально, то отец появится здесь на рассвете. Если этого не произойдет, мы должны немедленно отправиться ему на выручку!

В это время раздался душераздирающий крик, потом крик повторился. Он был полон муки и горя. Мы, не сговариваясь, бросились туда, откуда он доносился. Минут через пять увидели огромное распаханное поле, по которому ночью шли сюда. Метрах в десяти от нас была крестьянская ферма. Во дворе фермы на коленях стояла вся семья: мать, отец, две дочери и мальчик лет четырнадцати. Перед ними с плеткой в руках прохаживался отец Николай. За спиной святого топталась уже известная мне троица: высокий мужик с густым басом, среднего роста мужичок и тщедушный.

Крестьянину на вид было лет сорок. На голове большая лысина, нос бульбочкой. Ничем не примечательное лицо обыкновенной беспородной собачонки. Сухой, жилистый мужичок среднего роста. Такого никогда не выделишь в толпе, он сольется с массой таких же средних, в меру лысых и жилистых мужичков.

Жена крестьянина была высокой и широколицей бабой с мужицкими ухватками. Тело ее было большим, а руки и ноги короткими. Плоское лицо ее напоминало морду гигантского пикенеса. Дочери были под стать маме, такие же широколицы и грудастые. Одной на вид было лет двадцать, другой семнадцать.

О мальчике вообще трудно было что-то сказать, кроме того, что лицо его было бледным и плоским, грудь впалой. Только уши вызывающе торчали в стороны да темный вихор на макушке выражал крайнее непокорство.

— Ты нарушил наше главное условие! — суровым тоном говорил отец Николай крестьянину, который стоял молча. — Ты обязан следить за появлением любых живых существ и немедленно докладывать мне! Ради этого я держу эту ферму и содержу твою семью! Ты посмел запахать следы преступников и лишил нас возможности поймать их! Поэтому ты и твоя семья будете наказаны!

— Святой! Сохрани и помилуй! — закричал крестьянин. — Я круглые сутки, без перерыва, пашу эту землю! Я просто умру, если не буду делать этого!

— Так вот же! Получай! — вне себя от ярости закричал святой, и плетка его заходила по спине и плечам несчастного. И тут вновь раздался тот самый душераздирающий крик. Я даже не заметил, как «лучемер» оказался у меня в руке, а мушка его ствола — на уровне виска святого.

— Не делай этого, Сережа! — прошептала Луша, отводя мою руку с «лучемером» в сторону. — Ты ничем не поможешь крестьянину, а на меня и себя накличешь беду. Они тотчас обнаружат нас, и начнется погоня!

— Но ему больно!

— Он кричит, потому что так принято. Это ритуал и не более того. Подобная картина повторяется здесь часто. Отцу Николаю плевать на наши следы. Он знает, что рано или поздно мы все равно себя обнаружим. У него здесь свой интерес. Тем более, что сейчас бу-

дет еще хуже! Крестьянину и мальчику отрубят головы!

— Головы? — ахнул я. — И ты говоришь об этом так спокойно. Я тебя не узнаю, Луковка!

— Милый, милый Сережа! Ты все забыл. Так знай же! В этом мире нельзя умереть. Смерти подвластны лишь мы, жители других миров. Крестьянину отрубали голову бесчисленное число раз и сегодня отрубят точно так же!

— Как же так?

— Я же говорила тебе, что у отца Николая здесь свой интерес. Ему нужно, чтобы крестьянин и его сын кое-чего не знали и оставались в неведении дальше.

— Откуда ты это знаешь?

— Обыкновенная сарафанная почта, — усмехнулась Луша. — Жизнь этой семьи — вечная тема всего женского населения деревни!

Я не расслышал, что же крикнул отец Николай, но троица палачей ретиво бросилась исполнять приказание. Они схватили крестьянина, заломили ему руки за спину и с размаха ткнули лицом в специально приготовленную плаху. Сверкнул топор басовитого, и голова отлетела в сторону. Тщедушный поднял отрубленную голову за ухо и сунул в холщовый мешок. Во всей этой нелепой и жуткой сцене самым невероятным было то, что я не увидел ни капли крови. Как только тело лишилось своей главной части, оно вскочило на ноги и осталось стоять в выжидательной позе. Вторым был казнен мальчик. Лишившись головы, он схватил одного из палачей за руку, тот подвел тело мальчика к лошадке, стоявшей в борозде. Мальчик на ощупь взял ее под уздцы, крестьянин налег на полированные ручки плуга, и странная процессия тронулась. Изпод лемеха потекла черная, жирная земля.

Между тем отец Николай скрылся в доме вместе с матерью семейства. Вскоре мать появилась на пороге своего жилища и крикнула старшей дочери, чтобы та шла к святому. Сама же, подхватив под руку самого здорового, скрылась на сеновале. Как только старшая из дочерей появилась во дворе, средний из мужичков потащился с ней на сеновал. Младшая исчезла в доме и все не появлялась. Тщедушный топтался у порога. Первой из сенника вышла мамаша. Она была крайне недовольна. Лицо ее покраснелось, зрачки блуждали.

Вслед за ней выполз здоровяк. Он шел, едва переставляя ноги. Колени его подгибались, кисти рук дрожали. Раздраженная матрона, неудовлетворенная, раскрасневшаяся, словно не насытившийся толстый удав, медленно шла по двору. И тут ей на глаза попался тщедушный. Ни слова не говоря, она сгребла его в охапку и понесла на сеновал. Тщедушный закричал, пытаясь вырваться, но хватка удава была смертельной.

Где-то в километре от фермы, по словам Луши, находился лаз в ее параллельный мир. Мы долго бродили по лесу в поисках того самого кустика, сквозь который Луша проникла в собачий мир. Но так и не найдя его, часа через два вновь оказались возле крестьянской фермы. Отец Николай уже сидел на облучке, сестры, хихикая, стояли рядом. Средний из мужиков поправлял упряжь. Здоровенный мужик, тот самый, с густым басом, враскоряку лежал на телеге и тихо матерился. Но вот в проеме сеновала шевельнулась какая-то тень и показалась матрона. На руках спящим ребеночком лежал тщедушный. Крестьянка бережно положила его на телегу. Мужик бросил мешок с отрубленными головами на дно телеги, свистнул и вскочил на облучок. Лошади понесли. Женщины закричали, махая платочками. Мужик и святой захохотали. А по полю зигзагами и кругами водили лошадь два безголовых человека.

— Это поле, — сказала Луша, — еще ни разу не родило даже травинки.

А я подумал, что, наверное, на этом самом цикле вспашки сломались однажды часы времени. И мир ослеп, ничего не видя впереди. Мир закружился на месте, повторяя одни и те же движения, как этих два безголовых человека.

День быстро клонился к вечеру. Мы долго и безуспешно искали лаз в параллельный мир. И вскоре на одной из лесных полян нам пришлось заночевать. Среди ночи нас разбудил какой-то звук. Мне показалось, что где-то совсем рядом ходят и разговаривают люди. Стараясь не шуметь, я привстал. Метрах в тридцати от нас на краю поляны было заметно какое-то движение. Небесная красавица на минуту соизволила выглянуть из-за облака, и мы с Лушей увидели большой диск темного цвета, стоящий на подпорках-ногах. Возле диска что-то делали три огромных фигуры. Они под-

няли что-то тяжелое и занесли в корабль. Луна мигнула и скрылась. Засветились иллюминаторы. Диск развернулся и, покачиваясь, пошел вверх. Тонкий ослепительный луч пробежал по поляне, едва не задев нас. Но вот луч стал быстро укорачиваться. И я увидел, что конец этого луча имеет донышко. На донышке луча, как в аквариуме, сидела крыса с блестящими злыми глазами и что-то быстро жевала. Похоже, она не понимала, что с ней происходит. Крыса стремительно унеслась в небо и вскоре пропала за вершинами деревьев.

— Что это было, Луковка?

— Посланцы моего мира, Сережа. Научная экспедиция, изучающая параллельные миры! — отвечала она. — К сожалению, на корабле нет людей. Прилетали сюда роботы, запрограммированные на определенную задачу.

— Великое разочарование постигнет организаторов этой экспедиции, — сказал я, — когда вся научная коллекция в считанные минуты превратится в прах! В том числе и крыса!

— Мне кажется, отец потому и остался здесь, что давно, еще год назад, понял это. Любое живое существо, перемещенное из собачьего мира в соседний параллельный мир, тотчас распадается на отдельные атомы, так как биологические часы, включившись, с бешеной скоростью отсчитывают время жизни. Смерть растирает их в порошок! Потому отец и остался здесь, чтобы представить научному обществу нашего мира неопровержимые доказательства.

В поисках лаза в параллельный мир Луши мы исследовали почти весь лес. Оставался небольшой участок, но, чтобы попасть туда, необходимо было пересечь большой кусок вспаханного поля. На рассвете, до восхода солнца, мы слевитировали и медленно полетели, с наслаждением купаясь в прохладных волнах утреннего воздуха. Впотьмах едва не наткнулись на безголовых землепашцев. Мальчик не спеша вел под уздцы лошадку, крестьянин ретиво нажимал на ручки плуга. За ночь слепой плуг успел искромсать и вкривь и вкось все поле, то кружась на месте, то выделявая немислимые зигзаги. Эта странная слепая компания с невероятным усердием делала никому не нужную работу. И вдруг в утренних сумерках показалась странная парочка. Вдоль кромки поля, на высоте около метра от земли, лете-

ли два круглых предмета. Когда они подлетели поближе, мы увидели, что это возвращаются домой отрубленные головы. Поравнявшись с нами, они вдруг зависли, тихо кружась на месте и пританцовывая. Мы с Лушей едва успели спрятаться за ствол березы.

— Ну что, тятка? — спросила маленькая. — Отдохнем маленько?

— Давай! — зевнув, согласилась большая.

Они легонько стукнулись о землю и подкатились к стволу березы, за которой лежали мы.

— А хозяин ценит нас! — сказала маленькая голова важно. — Вишь, в какие хоромы поместил!

— Какие хоромы? — возразила большая. — Полка в чулане! Только и всего!

— Все кругом так и сверкает! И музыка! Музыка!

— Какая музыка, — зевнув, сказала большая, — коли за стенкой ребенок всю ночь орал!

— Будто хор ангелов поет, — мечтательно продолжала маленькая, — уж я слушаю, слушаю!

— От этого воя у меня всю ночь зубы болели, спаси и помилуй! — бормотала свое большая.

— Уж так хорошо, ну просто красота несказанная! — все тем же восторженным тоном продолжала маленькая. — Нашим бабам такое услышать никогда не сподобится!

— Гнусное отродье — бабы! — поддержала разговор большая голова.

— Святой думает, что мы ничего не видим, а я сквозь дырочку в мешке все вижу! — хихикнула маленькая.

— Дурак ты, Еремка! — осуждающе забормотала большая. — Дела отца Николая — святые дела! А в святые дела не смей нос совать, Еремка!

— Гляди-ка, тятка, солнце встает, — схитрила маленькая.

— И вправду, заболтались мы с тобой! Торопиться надо, а то в прошлый раз чуть припоздали, меня об тулово так хлопнуло, что после весь день плечи болели! — заторопилась большая.

Головы легко толкнулись от земли и, как две странные маленькие луны, всплыв над пашней, все ускоряя свой бег, полетели к двум кружащимся на месте человеческим туловищам. Мы с Лушей не спеша побрели к лесу. Первый луч солнца настиг нас почти на самом краю лесной поляны.

— Эй! — услышал я и обернулся. Крестьянин с

кнутом в руках, спотыкаясь, бежал в нашу сторону по пашне.

— Держи их! — тоненько заголосил мальчик.

Взявшись за руки, мы пробежали по лесу метров десять, и вдруг дорогу нам преградила речушка. Мы вошли в её теплую воду, долго брели по мелкому руслу. Потом свернули в лес. Слышно было, как скулят наши преследователи, потеряв след. Вскоре голоса их стали удаляться. Мы пошли спокойно. Подолгу останавливались на земляничных полянах, полных спелой, изумительно вкусной земляники. Так прошел день, и уже под вечер на одной из таких полян я нос к носу столкнулся с тем маленьким ивовым кустиком, благодаря которому Луша оказалась в собачьем мире. Луша осторожно тронула ветки рукой, и тотчас от ее прикосновения с легким треском посыпались разноцветные искры.

— Здесь! — тихо прошептала она. — Но как я сообщу маме, что жива и здорова и нашла папу? У меня нет ни одной ферритовой пластинки для этого! Лаз настолько узок, что в лучшем случае я смогу просунуть только руку!

— В старые времена, — сказал я, — мои предки писали письма на пластинках из березовой коры! Это удивительный материал. Легкий, прочный! А писать? Очень просто! Чем-либо очень твердым можно выдавить на коре буквы и слова!

В траве я нашел плоский, острый как бритва обломок камня. Этим камнем вырезал из ствола березы несколько ровных березовых пластинок. Луша на одной из пластинок выдавила какие-то квадратики, треугольники, круги и полоски, а все вместе это было текстом. Я срезал длинную березовую ветку, очистил ее, расщепил на конце, а в этот расщеп вставил Лушино послание. Встав на колени, осторожно просунул в лаз палку с письмом. Посыпались искры, и все стихло. Осталось одно — ждать! Чего мы ждали: фокуса, чуда? Наверное, того и другого. В собачий мир пришла ночь. В Лушином мире тоже была ночь. И никого не было на полянке возле коттеджа номер двадцать семь. И мама, и брат Никоша, и овчарка Найда спали.

— Луковка, мы с тобой можем просидеть ночь, так и не дождавшись ответа! Позови Найду! Умный пес, уловив твой запах, исходящий от пластинки, сразу поймет, что нужно делать!

Луша нагнулась над лазом и позвала собаку.

— Найду! Найдушка! Ко мне! Ко мне, Найда!

Вскоре мы услышали тяжелое дыхание собаки, нетерпеливое повизгивание. Вдруг палка выскользнула у меня из рук и исчезла в лазе. Потянулись томительные минуты ожидания. Я даже не заметил, когда же появилась передо мной эта пластинка, вставленная в расщеп все той же березовой палки. Пластинка едва держалась в расщепе. Палка разрушалась на глазах. Луша схватила пластинку, прижала к груди и заплакала.

— Мама! Мамочка! Мамуленька моя! — шептала она. Немного успокоившись, взяла медальон, висевший у себя на груди. Накрыла им пластинку, и странная завораживающая мелодия наполнила собой поляну.

— Что это, Луковка?

— Это голос мамы! — В Лушиных глазах стояли слезы. — Она говорит, что Найда принесла письмо от меня. Пригала на дверь и выла, разбудила весь дом, а потом ухватила маму зубами за платье и потянула на поляну. Мама верит и не верит, что я нашлась, и просит не обижаться, но ответить ей на обратной стороне пластинки. Чтобы я обязательно все сказала ей своим голосом, а потом вернула пластинку ей. Как жена астронавта и ученого она верит в параллельные миры, и все-таки она простая женщина, а великие странности этой жизни все равно остаются в компетенции ученых и только ученых. То, что дочь находится где-то рядом в параллельном мире, звучит для мамы точно так же, как если бы я разговаривала с ней из соседней галактики по видеотелефону.

Луша наговорила на пластинку текст, я вырезал новую березовую палку и вернул письмо Лушиной матери. Конечно, Луша могла поговорить с мамой через лаз, а письмо передать ей собственной рукой, но мы решили, что этого делать не следует. Представьте себе голос, который раздается из ниоткуда, или руку, которая появляется прямо из воздуха. Какое сильное впечатление произвело бы это на психику бедной женщины, потерявшей мужа и дочь. Достаточно появляющихся из ниоткуда писем да еще среди ночи. Достаточно и этого.

Вскоре мы получили ответ, где мать просила Лушу беречь себя и поскорее возвращаться вместе с отцом.

В тот момент, когда Луша, спрятав пластинку, повернулась ко мне и хотела что-то сказать, я почувствовал на себе полный ненависти взгляд, который как пикой уперся мне в затылок. Я инстинктивно дернулся в сторону. Над головой свистнула зеленая иголочка. Уж что-что, а этот змеиный свист я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Падая, я успел обхватить Лушу за ноги и рвануть на себя.

— Что это значит, Сережа? — успела крикнуть Луша.

Я приложил палец к губам: «Тихо!» Вскоре из кустов вылезли мощи, вернее то, что когда-то называлось Пашкой. На подгибающихся ногах старец захромал в нашу сторону. Он был уверен, что с нами покончено. Каково же было его удивление, когда я возник из травы в двух шагах от него. Лицо старика исказила гримаса ненависти, глаза вспыхнули сухим, сумасшедшим огнем. Почти падая, он попытался выстрелить в меня из «стеклянного ружья». Я успел перехватить костлявый кулачок, в котором было зажато ружье, и повернул его в сторону. Раздался хлопок. Иголочка, свистнув, улетела в неизвестность. Я отпустил руку Пашки. Старик без звука повалился мне в ноги. Делать нам здесь было более нечего. До встречи с Пашкой я хотел оставить Лушу в надежном месте в лесу, но теперь такой уверенности не было. За нами следили, это было ясно. И мы решили лететь вместе. Взявшись за руки, легко взмыли вверх. Дом отца Николая светился одним-единственным окошком. Ориентируясь на это пятнышко света, легко соскользнули вниз. Наши ноги коснулись гладкой, отполированной ветрами, дождем и солнцем поверхности. Зацепиться было не за что, если бы не широкая печная труба, за которой мы и спрятались.

— Они попытаются пресечь любую нашу попытку войти в здание, — сказала Луша.

— И потому, — подхватил я, — нам не следует прорываться вдвоем! Тебе, Луковка, придется остаться здесь, на крыше, и ждать нас!

Она с явным неудовольствием кивнула мне, сказав, однако, что оставляет за собой право на действия по собственному усмотрению. Я вынужден был согласиться, так как вид у Луши был очень решителен. Опрометчиво симбулировал сквозь крышу и едва не разбился. Почув-

ствовав, что падаю в бездну, слевитировал. Этим задержал падение на доски и балки чердака с высоты пяти метров. Чердак был дощатый и гулкий. Я вошел в состояние левитации и медленно поплыл по чердачному коридору, осторожно отталкиваясь от мощных стоек, поддерживающих крышу. Наконец, решив, что уже достаточно точно вышел на то место, где внизу, на первом этаже, расположены кельи, медленно и осторожно симбулировал вниз. Прошел потолки и полы, как горячий нож масло, подстраховывая себя левитацией. Наконец оказался в узкой, как пенал, комнате. Келья! Упал прямо на ворох какой-то одежды, сваленной в беспорядке на полу. Это были балахоны надзирателей. А на постели, в шаге от меня, возились и сладострастно стонали две человеческие фигуры. Даже впотьмах разглядел мощный торс той самой надзирательницы и на ней худенький скелетик мужчины. Я нагнулся и на всякий случай связал рукава балахонов крепким морским узлом, как это делают мальчишки после купания у зазевавшихся купальщиков. Прихватив ключ из замочной скважины, симбулировал сквозь запертую дверь. Точно так же прошел на мужскую половину. На это ушло слишком много сил. До кельи Лушиного отца едва доплелся. Дверь была не заперта. Отец лежал на животе, забывшись тяжелым бредовым сном. Временами бормотал что-то несвязное, слабо вскрикивая. Я задрал подол рубашки. При слабом, колеблющемся свете копилки увидел четыре ядовито-зеленых шарика под левой лопаткой. Осторожно выдернул их. Отец вздохнул и открыл глаза.

— Кто здесь? — спросил он спокойным, ровным голосом.

— Это я, Сергей! Бывший ваш сосед по тюрьме. Помните, звал вас с собой, но вы отказались. Я пришел к вам с тем же предложением.

— Нет! — сказал он.

— Но почему?

— Я не верю вам, а вдруг вы ишейка святого?!

— Только что я вытащил из вашего тела четыре иглы с ядом!

— Четыре?! — воскликнул он. — Значит, они догадались! Они решили убить меня!

— Да, — сказал я, — к утру все было бы кончено! Но я пришел сюда не один. Там, на крыше этого дома, вас ждет ваша дочь Луша!

— Лушка? Не может быть! Почему она не пришла сюда?

— Мы боялись, что вдвоем наделаем слишком много шума. Вот, возьмите! — сказал я и протянул ему его «лучемер». — Ваш?

— Это хороший аргумент в вашу пользу, — заметил он, дрожащими руками ощупывая оружие, — но нас может услышать охранник, он спит в свободной келье.

— Охранник занимается любовью на женской половине, он уверен, что с вами покончено, — успокоил я его.

— Да, — согласился он, — я и в самом деле не способен бежать без посторонней помощи, тем более что они сняли с меня мой скафандр.

— Как он выглядит и где его искать?

— Однажды мой охранник проговорился. Он сказал, что моя серебристая кожа висит на стене в комнате святого. В скафандре есть рация. Стоит мне ввести код тревоги, и любой корабль моего мира прилетит мне на помощь. В считанные секунды они могут разнести эту тюрьму в щепки, но мне не удалось сделать этого, когда я случайно попал сюда!

— Почему? — воскликнул я.

— Совершенно случайно я наткнулся на одного из охранников этой чертовой фермы, и он, вероятно с испугу, выстрелил мне в лицо из маленького стеклянного цилиндрика, похожего на шприц. Белая молния ударила мне по глазам, и больше я ничего не помню. А потом, когда очнулся, начался этот кошмар. Мне ничего другого не осталось, как заняться своей основной и главной деятельностью — антропологией. Эту работу я, к счастью, закончил.

— Пора, Владимир Николаевич, а то ведь не ровен час...

— Да, Сережа, пора!

Он попробовал встать, его тотчас швырнуло к стене.

— Штормит? — усмехнулся я.

— Ничего, — отвечал он почти весело, — прорвемся!

Я помог ему выбраться в коридор. Он попробовал симбулировать сквозь дощатую дверь и застрял в ней. Тогда я симбулировал прямо в него, почти выдрал из проклятых досок. Звук нашей совместной симбуляции, наверное, слышали все. Это был звук выдираемой гвоздодером доски. Пробежав первый этаж, я поч-

ти волоком заташил его по лестнице на второй, дотянул до знакомой ниши в стене. Тут мы опустились на пол, прислушиваясь. Казалось, весь дом спал.

— Ждите меня здесь, — сказал я ему, — тем более у вас есть оружие. Не будет другого выхода, стреляйте! А я иду за вашим скафандром к святому.

Симбулировав сквозь стену, я оказался в известной мне комнате. Сделал шаг и ткнулся коленкой во что-то острое. Это был ящик из темного дерева с висячим замком. В глубине его поблескивали стеклянные ружья святого. Я взял целую горсть этих стекляшек и сунул себе в карман. Закрыв крышку ящика, навесил замок. Скафандр обнаружил висящим на стене. Глаза уже достаточно привыкли к темноте, и я различил похрапывающего на постели святого, рядом с ним прикорнула абсолютно голая женщина. Я легко симбулировал из комнаты, но рука моя, державшая скафандр, застряла в стене. Скафандр, похоже, был сам по себе и не желал уходить вместе со мной. Пришлось вернуться. И тут произошло то, чего я так опасался. Когда я подошел к двери и стал возиться с замком, пытаюсь его открыть, за своей спиной услышал легкий собачий скок. Я оглянулся. Юная нимфа подбегала ко мне. Еще не совсем развитые груди озорно торчали в стороны. Разглядев меня, она весело клацнула челюстями. Я отвернулся и нажал какую-то невидимую кнопочку. Замок открылся. Юная женщина, слабо повизгивая, пыталась ухватить меня за рукав. И тут я услышал бешеный рык. Отец Николай с искаженным неистовой злобой лицом стоял на постели. Я толкнул дверь и шагнул за порог. Замок щелкнул металлическими зубами, надежно заперев дверь. Я подал скафандр отцу, и он стал торопливо натягивать его на себя. Откуда-то из темного лестничного провала появился охранник. Испуганно тьякнув, он бросился на Владимира Николаевича. Я выхватил из кармана один из стреляющих шприцев, прицелился и нажал на спуск. Иголочка, свистнув, воткнулась ему в шею. Охранник дернулся и сел на пол. Владимир Николаевич успел-таки натянуть на себя свой скафандр. Лестница уже трещала от множества бегущих ног. Я схватил отца за руку, и мы взлетели с ним под потолок.

Тут дверь спальни святого распахнулась, и на пороге появился встрепанный отец Николай. Он поднял руку с чем-то зажатым между пальцев. Я увидел, как вздрогнул вдруг Лушин отец, но произошло это в момент симбуляции и только потому он не рухнул вниз на подбегающих охранников. Отец потерял сознание уже на чердаке. Приглядевшись, я увидел знакомую иголочку. Она прошила кожу на подбородке, ядовитое жало высунилось наружу, и зеленые капельки медленно стекали вниз. Я решил не трогать ее до тех пор, пока весь яд не вытечет наружу. Надо было торопиться. По всему дому слышались крики и топот ног. Я почувствовал, как что-то черное и большое валится мне на голову. Это была Луша. Не выдержав безвестности, симбулировала сквозь крышу.

— Где он? — выдохнула она.

— Здесь, Луковка, здесь, — отвечал я ласково. Она бросилась к отцу.

— Папка! Милый мой папка! Я нашла тебя! Я нашла!

— Осторожно, Лушенька! — остановил я ее. — У отца в подбородке ядовитая игла! А нам надо уходить!

Тяжелый чердачный люк, подпертый мною какой-то доской, трещал под натиском собачьих тел. Мы подхватили отца с двух сторон и медленно, слишком медленно поднялись под крышу. Однако, против моих ожиданий, симбуляция прошла чисто. Наконец-то мы были на воле. И все-таки опасность попасть в плен к врагам своим была более чем реальна. Внизу, во дворе, кричали, суетились, бегали с факелами, запрягали лошадей. Луша смотрела и не могла насмотреться на своего отца.

— Летим? — спросил я ее.

Она утвердительно кивнула головой. Мы подхватили отца с двух сторон, поднимаясь все выше и выше. В метре от меня жалобно свистнули две стрелы, пущенные наугад. Но ничто уже не могло удержать нас. Мы летели, и воздушные потоки, казалось, бережно передавали нас один другому, словно сознавая ответственность момента. И все-таки порция яда, полученная нами, подорвала наши силы, и мы стали падать вниз, теряя высоту. Так снижаясь, в конце концов, оказались на маленькой лесной поляне. Отца мы посадили на

землю, прислонив к дереву. Я повернулся, сделал шаг, и вдруг прямо на меня из кустов вывалился тот самый скелет, полутруп Пашка. Увидев нас, он хрипло засмеялся.

— Что тебе нужно? — спросил я.

— Убить тебя и твою девку!

— Зачем?

— Чтобы не портили христианский воздух! — закричал он дребезжащим старческим тенорком. — Наконец-то я выследил вас! Теперь убью! Убью!

— Зачем? — с упрямством робота спросил я, вытягивая его в разговор, как в трясиноу.

— Чтобы убить! Убить! — завизжал он тоненьким, злым тенорком.

— Зачем? — упрямо спросил я, незаметно доставая из кармана «стеклянное ружье» святого.

И тут вспышка новой мысли озарила его высохшую голову.

— Чтобы душу свою успокоить покаянием! — визгнул он.

— У меня в руках ружье отца Николая! — сказал я. Разжав кулак, показал стреляющий шприц. Увидев оружие, он завизжал каким-то диким утробным голосом, дернулся и выстрелил в меня. Я успел опередить его на долю мгновения. Иголочка, выпущенная мною, вошла ему между глаз раньше, чем его иголочка, свистнув, воткнулась в ствол дерева над головой Лушиного отца. Пашка без звука повалился в траву.

— Что это с ним? — вскрикнула Луша.

Из высохшей мумии Пашка превратился вдруг в бородатого мужика. Через секунду перед нами лежал молодой парень, подросток, мальчик, младенец, какой-то головастик... Вскоре на земле не было ничего, кроме двух беловатых капелек, мирно лежащих на широком листе лопуха. На этом превращения закончились. Чуть в стороне валялась Пашкина боевая набедренная повязка, которую он носил не снимая после посвящения отцом Николаем в личную ищейку, а также лук со стрелами. Я легко перекинул через плечо колчан со стрелами и тяжелый старинный лук.

— Пора, Луковка! — сказал я. — Пора, родная!

Мы подхватили отца под руки и левитировали в небо, но выше метра над землей подняться нам не удалось, слишком тяжел был груз. Мы медленно летели от одной лесной поляны

к другой. Несколько раз останавливались, чтобы передохнуть. Отец оставался все в том же состоянии, глубоко забыт. По моим подсчетам, до лаза в мой мир оставалось метров пятьсот. Мы преодолели их минут за пятнадцать. У кромки леса остановились. Перед нами стоял дом, где когда-то жил Пашка. Ночь была на исходе. Дом был освещен, слышались голоса множества людей. Неподалеку от дома, возле самого лаза, горели два костра. Возле них сидели люди, вооруженные боевыми луками и остро заточенными пиками. Что делать, мы не знали. Необходимо было исходить из реалий обстановки. Попытка прорваться наобум была равна самоубийству. Мы бы погубили и себя, и отца. Ночь стремительно шла на убыль. Надо было что-то предпринимать. Луша с надеждой поглядывала на меня, но что я мог сделать? Изобразить обезьяну или снежного человека и с воплями прыгать вокруг костра, пока Луша протаскивает отца в лаз?

И вдруг песчаный бугорок, на котором мы сидели, шевельнулся. Мы отпрянули в сторону.

Бугорок между тем поднимался, вулканизировавшись, превращаясь в гору песка. Гора росла, и песок, рассыпаясь, скатывался вниз. Внезапно огромный пузырь песка беззвучно лопнул, и мы увидели на вершине большой черный гроб.

— Ах! — вскрикнула Луша. — И как я могла забыть? Это же мертвец Иона!

— Мертвец?

— Да! Ежедневно его хоронят родственники. Копают яму. Приносят гроб с Ионой. Рыдают, навеки прощаясь с ним. Опускают в яму, засыпают землей. На рассвете гроб сам собой поднимается на поверхность и возвращается в дом. Родные Ионы вновь начинают готовить его к погребению. Этот страшный ритуал повторяется здесь изо дня в день, как и все в этом мире! Он имел несчастье умереть в ту минуту, когда наступило бессмертие.

Между тем гроб слетел с песчаной вершины и грохнулся на землю. Песок, вероятно от сотрясения, с шумом посыпался в яму. Песчинки, как кипящая вода, кружились, фонтанируя, сталкивались, перескакивали друг через друга, постепенно затихая, находя свое, единственное, раз и навсегда определенное место. Зеленые стебли травы, как пиками, проткнули

песок, в мгновение ока заполонив собою все пространство. Через секунду никто не мог бы сказать, что здесь только что была яма.

Гроб качнулся, как большая черная свинья, переступив с ноги на ногу, и крышка со скрипом отвалилась. Мертвец Иона в белом одеянии поднял голову и сел. Глаза его были закрыты, губы шевелились.

— Кто тут? — хрипло спросил он.

— Люди, — сказал я.

— Люди? Немедленно убирайтесь! Вы все испортите и запутаете сценарий бессмертия!

— И что же? — спросил я.

— Вы можете нечаянно внести сюда бактерию смерти!

— Но такая бактерия уже занесена! — воскликнул я. — Пашка из вашей деревни побывал в параллельном мире, и его биочасы включились, пришли в движение!

— Все погибло, все погибло... — быстро забормотал Иона.

— Но внешне в деревне ничего не изменилось, — как бы оправдываясь, сказал я.

— Поверь старому мертвецу, — важно сказал он, — деревне осталось жить считанные часы! Нет такого предмета, который не заденет перст смерти!

— Что же будет с тобой?

— Душа моя наконец-то расстанется с надоевшей оболочкой и улетит в рай!

Тут первый, слабый еще лучик слегка боднул стенку гроба. Гроб вздрогнул, качнулся, приподнимаясь над поляной. Иона раскрыл было рот, намереваясь что-то сказать, но гроб так трянуло, что Иона шелкнул зубами и замолчал. Гроб трянуло еще раз, но уже слабее, и, сорвавшись с места, он полетел невысоко над землей, набирая скорость. Крышка едва успевала за ним. Мне даже показалось, что когда она по слепоте своей натыкалась на тонкие деревья и кусты, то всякий раз приговаривала жалобным голоском.

— Когда это кончится, Гроболибо? Я ничего не вижу! Ах!

На что гроб что-то невнятно бормотал. Так и летела эта парочка, пока не исчезла в низеньком домишке в центре деревни.

Как только рассвело, пришлось уйти в глубь леса. В густом ельнике мы хорошо отоспались. Как только стемнело, мы вновь вернулись на

свой наблюдательный пункт. У лаза горели два костра. Возле них сидели или же бродили от нечего делать караульщики. Мышеловка захлопнулась, и выхода не было. Я сунул руку в карман и нащупал знакомые мне иголки. Достал их из кармана.

Долго разглядывал. Какая-то мысль не давала мне покоя.

— А что если бросить их в огонь? — вдруг подумал я. — Странные вещи могут произойти, если эти малюточки окажутся в огне.

Я вспомнил, как у святого в комнате, когда я отстрелил кончик иглы и она случайно попала в пламя свечи, произошло невероятное. Свеча взлетела под самый потолок, и там ее разорвало на мелкие кусочки с ужасающим треском. Что если попробовать и бросить не одну, а горсть этих ядовито-зеленых монстриков в пламя костра? Жители деревни люди верующие, притом верующие фанатично. Эффект будет грандиозный!

Мы сидели возле могилы Ионы под высохшей осинкой. Кору на дереве давно не было. Ствол был мощный, и вершина его терялась где-то в непроглядной темноте. У основания дерева, в полуметре от земли, чернело отверстие, пробитое дятлом. Края отверстия были неровные и шершавые. Луша, думая о чем-то, случайно провела пальцем по его краю.

— Ш-ш-ш-ш-ш! — пронеслось по притихшему лесу. Будто по вершинам деревьев проползла гигантская гадина.

— Вот это усиление! — прошептал я. — Ай да Луша!

Я протянул руку и легонько постучал пальцем по внутренней стороне ствола. Боже!

В небе пророкотал натуральный гром. Мужики удивленно закрутили головами. Раздались встревоженные восклицания.

— Гроза! Гроза будет!

Из дома на крыльцо выскочили несколько человек.

— Тихо, люди! — громко крикнул я в отверстие.

Секунд через пять над поляной прогремел исполинский голос:

— Лихо бу-уде-е-е-ет!!!

И голос этот подхватило эхо:

— Лихо будет! Будет! Будет... Будет...

Будто сама природа предрекала скорую гибель этому миру. У костров замерли. Кое-кто

крестился. Я достал из Пашкиного колчана две стрелы и воткнул в острие каждой по три иголки. Долго целился из боевого лука в первый костер. Когда спустил тетиву, понял по взметнувшимся искрам, что стрела угодила в центр. Вторая тоже попала почти в самую середину костра. Вскоре раздался звук, будто кто звонко хлопнул в ладоши. И ближний ко мне костер вместе со всем содержимым — горячим пеплом, углями, головешками, пылающими поленьями — приподнялся над землею метра на два и завис в воздухе, как бы раздумывая, что же предпринять дальше. Раздался еще один хлопок, и второй костер завис в воздухе рядом с первым. Прошли считанные мгновения, а возле костров уже никого не было. И тогда оба костра рванули, как две авиационные бомбы, раскидав горящий мусор и поленья далеко окрест. Оставшиеся было смельчаки с криками и воем разбежались. Мы подхватили безвольное тело отца и слевитировали к лазу. Никто нам не препятствовал. В доли секунды мы были уже в другом мире.

Двор был пустынен. Однако горький опыт научил меня осторожности. Оставив Лущу с отцом возле крыльца, я обошел дом, толкнул створки окна и заглянул в комнату. Почти сразу увидел то, что искал. Это был настороженный боевой лук. От лука к дверной ручке была натянута веревка.

— Пашкина работа, — усмехнулся я.

Нашел в траве полусгнивший кусок дерева и бросил его в комнату. Лук сработал мгновенно: тетива толкнула стрелу, стрела воткнулась в центр двери, расщепив довольно толстые доски. Вместе с Лушей внесли отца в комнату и уложили на матрас. Поискал хотя бы нашатырный спирт, но аптечка моя была разграблена. Не было ни моих вещей, ни компьютера, ни рукописи романа. В раскрытое окно с невероятной силой бил волшебный лунный свет. Хотя запор был чисто символический, запер дверь в сени, но тем не менее он спас нас. Уснули мы почти сразу, но мозг мой, как некий электронный сторож, настроенный на опасность, каким-то десятым чувством прислушивался к легкому потрескиванию электрических разрядов теплой июльской ночи, дыханию деревьев и воды. Я слушал этот гигантский приемник, но кроме успокаивающего шепота

лишвы и лопотания волн ничего не было слышно. И вдруг возник человеческий голос. Он пришел ниоткуда. Тихий, странный, приглушенный. Человек что-то шептал и тихонько скреб стену под нашим распахнутым настеем окном. С превеликим трудом я продрался сквозь густую пелену сладкого сна и открыл глаза. Кто-то осторожно карабкался по бревенчатой стене, намереваясь влезть в окно. Я приподнялся. Лушенька спала, слегка приоткрыв свой милый ротик. Я встал и шагнул к окну. Почти в то же мгновение в проеме окна показался человек-собака. Я двинул ладонь кулаком, как штангой, в лоб. Он, словно большая летучая мышь, отлетел в сумерки, грохнувшись спиной на каменистую землю. Слышно было, как взвыли наши преследователи. Лушенька проснулась, испуганно метнулись ресницы.

— Кто там, Сережа? Кто?

— Люди из собачьего мира! — сказал я.

Дверь в сенях затрещала от ударов. Мы подхватили отца под руки и, выскочив в сени, по приставной лестнице втянули отца на чердак. Я наклонился и поднял лестницу наверх. В тот момент, когда тяжелый чердачный люк захлопнулся за нами, задвижка на двери лопнула и в сени ввалилась разъяренная толпа мужиков-собак. Давя друг друга, перескакивая через ступени, они ринулись в нашу комнату. Злобный вой, клачанье челюстей, грохот падающего стола известили нас о том, что своим отсутствием довели их до бешенства и они сделают все возможное, чтобы достать нас. Я подпер чердачный люк одним концом лестницы, другой ее конец уперся в мощные балки крыши. Других сообщений чердака с жилой частью дома не было.

Через слуховое окно мы вылезли на крышу и спрятались за широкой печной трубой, собираясь немедленно левитировать. Я высунулся из-за трубы, намереваясь посмотреть, что же делается во дворе. Тотчас с десятков стрел поразбойничьи свистнули у меня над головой. Две из них угодили в трубу. Полетели осколки кирпича. Один из осколков поцарапал мне щеку. Несколько стрел с грохотом воткнулись в дощатый настил крыши. Не менее двадцати молодых стрелков следили за каждым нашим движением. Остаться за трубой было опас-

но. Вернуться на чердак мы не могли, для этого необходимо было пройти по коньку крыши около двух метров. Враги наши, побегав по пустому дому и сообразив, что так им нас не достать, предприняли самое простое и страшное. Старый дом вспыхнул сразу с четырех сторон. Огонь, взлетев по сухим бревенчатым стенам, ринулся под крышу. Жадная глотка огня распаивалась все шире и шире, намереваясь проглотить и дом, и нас, а если удастся, то и весь мир, который замер, со страхом наблюдая за разыгравшимся молохом. Возле этого гигантского костра выла и бесновалась толпа мужиков-собак. Изредка стрелки били из боевых луков по трубе, предупреждая наши попытки подняться в такое спасительное прохладное небо. Мы поняли, что наступил решающий момент.

— Сережа! — Лушины губы почти касались моего уха. — Скажи мне что-нибудь на эту пластинку!

— Что ты, родная моя! — оттолкнул я ее руку. — Мы не умрем! Мы всегда будем вместе!

Как я ошибался, произнося эти слова. Она скорее догадалась, чем услышала.

— Я не потому... Просто хочу, чтобы твой голос был всегда со мной! Всегда-всегда!

Я склонился над пластинкой.

— Дорогая моя, милая, ненаглядная Луковка! Я впервые говорю тебе эти слова! Я люблю тебя! Я влюбился с первой минуты, как только увидел тогда в комнате! Ничто на свете не может разлучить нас, потому что соединяет нас любовь! Родная моя, ласковая, любимая! Я люблю тебя!

Крыша готова была вот-вот вспыхнуть. Я выглянул из-за трубы и ахнул. Вместо молодых парней с боевыми луками в руках по двору слонялись глубокие старики, едва волочившие ноги.

— Все! — крикнул я. — Летим!

Подхватив отца, мы поднялись в дымное небо. Вслед нам не последовало ни одного выстрела. Сделав круг, мы зависли над двором. Фантастическая картина предстала нашим взорам. Люди-собаки старели на глазах, превращаясь в скелеты, обтянутые кожей. Мы видели, как парни-стрелки роняли тяжелые луки и колчаны со стрелами, не в силах удержать их в руках. Перегородка, отделявшая наши параллельные ми-

ры, истончилась настолько, что словно сквозь промасленную бумагу стала видна вся деревня, а по ней бегали скелеты и скелетики, спотыкаясь, падая, превращаясь в тлен и прах. Мир рушился, корчился, умирая. Смерть пировала на затаившемся застолье. Кучки шевелящегося пепла и груды костей лежали там, где несколько минут назад бесновались, прыгали, изрыгая проклятия, здоровые, полные сил и энергии люди-собаки. Шестерня времени неожиданно надежно зацепилась за что-то, закрутилась с бешеной скоростью, наверстывая упущенное. Мир людей-собак стал тем, чем и должен был стать, миром мертвых, прахом, земель.

Мы решили приземлиться у песчаного пляжа. Когда до земли оставалось около полуметра, Луша вдруг отпустила руку отца и с размаху зарылась лицом в песок. От неожиданности я не удержал тяжелое тело отца, и он упал на песок с полуметровой высоты. От удара о землю отец очнулся, сел и с удивлением посмотрел на меня и на лежащую ничком Лушу.

— Что случилось, Сережа? Что? — спросил он глухим, ровным голосом.

— Не знаю, — ответил я, бросаясь к распротертой на песке Луковке. Перевернув Лушу на спину, я увидел, что она без сознания.

— Вот когда сработал яд зеленой иголки, — подумал я, — из преисподней святой послал нам свой последний привет.

Отец сидел на песке, низко опустив голову, готовый вот-вот провалиться в свое привычное небытие. Я склонился над отцом.

— Владимир Николаевич! — твердым голосом сказал я. — Пора вызывать ваших друзей! Включите рацию!

— Да-да, рацию! — отвечал он спокойным, ровным голосом, однако не предпринимая ничего. — Пора включить рацию!

Я тряхнул его за плечо.

— Владимир Николаевич! Очнитесь, вашей дочери Луше очень плохо! Она может умереть, если вы не включите рацию! — закричал я.

Вероятно, все же что-то из сказанного мною дошло до его сознания. Отец медленно, очень медленно провел рукой по своему скафандру и нажал на что-то невидимое мне.

— Тиу! Тиу! Тиу! — раздалась тревожная мелодия, заполнившая собою все пространство пляжа. — Спасите наши души!

А там, за нами, где-то возле горящего дома, кости мертвецов проваливались, истаявали, уходили прахом сквозь землю. Мир рушился, распадаясь, превращаясь в ничто, в пыль, как истлевшие декорации. Вскоре и намек не осталось на то, что здесь только что была деревня. Мой мир, настоящий, полный жизни, просквозил ее.

Я и не заметил, откуда взялась летающая тарелка. Люди в серебристых скафандрах унесли Лушеньку и отца. Очнувшись, когда один из членов команды, вероятно друг отца, потряс меня за плечо и спросил:

— Вы можете мне объяснить, что произошло с Лушей и Владимиром Николаевичем?

Невероятным усилием воли я заставил себя очнуться, вышел из транса, овладевшего мною, и рассказал о святом и его ядовито-зеленых иголочках.

— Нам нужен образец этого яда, чтобы создать противоядие! Вы понимаете меня?

Я кивнул, достал из кармана единственную оставшуюся у меня иголочку, передал ему. И вновь впал в странное забытие. Вот когда яд святого, вслед за Лушей, настиг и меня.

Очнувшись, когда услышал звук подъезжающей машины и из леса вынырнул «Москвич» моего друга Вальки. К багажнику на крыше «Москвича» был привязан небольшой венок из искусственных цветов. Валька ехал помянуть меня. Я обернулся, но ни Лушеньки, ни ее отца, ни летающей тарелки уже не было. Они пропали, испарились, совершенно беззвучно, как сон. Машина подъехала и остановилась. Из нее медленно вылез Валька с потемневшим лицом.

— Туристы проклятые! — бормотал он, стоя перед домом и качая головой. — Руки-ноги бы повыдерживал!

Выругав ни в чем не повинных туристов, принялся медленно отвязывать венок.

— Господи, спаси и помилуй! — бормотал Валька.

— Валька, ведь ты же атеист, — сказал я негромко, медленно подходя к нему.

Друг мой, оставив венок, распахнул дверцу машины.

— Валька, — сказал я, — ты никогда не боялся ни чертей, ни дьяволов! Не верил ни в пришельцев из космоса, ни в божьих архангелов!

Туристов зачем-то ругаешь, а дом и не горит вовсе!

Валька, открыв рот, уставился на пламя. В детстве была у него такая смешная привычка, удивляясь чему-либо, раскрывать рот. За что и прозвали его полоротым.

А пламя было удивительным. Бездымным и чистым. Оно медленно оседало, прижимаясь всем телом к стенам дома, цепляясь за бревна и выступы легкими прозрачными лапами. Вскоре настал момент, когда последние языки пламени, сорвавшись с бревен, распластались по траве и с шипением ушли в землю.

Я, наверное, тоже открыл рот, потому что дом был целехонек. Пламя словно очистило его, обновило. Мистификация кончилась так внезапно, как и началась, и я подумал, что, наверное, никогда огонь мертвых не способен причинить вред живым. Это ему просто не под силу.

— Вот видишь, какие здесь дела творятся... — весело сказал я. — Я и не умирал вовсе! А попал в соседний параллельный мир!

— Ври больше, — криво усмехнулся Валька. — Скажи еще, что тебя увозили на другую планету! Я же недельку подождал и решил к тебе наведаться, думал, на рыбалку сходим! Приехал, вещи на месте, а тебя нет. Вещи я домой увез, потом милицию вызвал с собакой. Собака дошла до середины двора и начала скулить, легла на землю возле маленького ивового кустика, не желая больше никуда идти. Такое впечатление, будто ты испарился.

— Дай-ка сюда этот никому не нужный венок! — попросил я.

— Как это не нужный? — заартачился Валька. — А что если это и не ты вовсе, а оборотень, прости господи! Возьмешь венок, а Сережкина душенька на том свете будет страдать без божьего благословения!

— Что ты плетешь! — возмутился я. — Атеист проклятый! Ну, Валька! Ну, даешь!

— Поехали домой! — сказал он, ничуть не обидевшись.

Я подхватил венок, мы дошли до озера, и я, размахнувшись, швырнул его в воду.

— Сто двадцать пять! — каким-то странным голосом сказал Валька.

— Что сто двадцать пять? — не понял я.

— Венок стоит! — отвечал он.

— Душа дороже! — усмехнулся я.

— Ладно, — сказал Валька, — шут с ними, с деньгами! Ты прав, душа дороже! А все-таки дорогие венки, черт бы их побрал!

— Отдам я тебе деньги! — не удержался я.

— Да я не об этом, — сказал Валька, — просто очередную статью пишу в свою газету о похоронных принадлежностях и обслуживании населения. Как-никак, я теперь ответственный секретарь!

— Поздравляю с повышением!

— Спасибо! — сказал Валька.

— А мне пора!

— Куда?

— К ней! К моей Луше!

— Что же ты молчал? — закричал Валька, хлопая меня по плечу. — Здесь замешана женщина! Это же меняет дело! Еще друг называется! Плел о параллельных мирах! Развел канитель! Сказки рассказывал! Мозги пудрил!

— А мне и в самом деле пора лететь!

— На чем? — захохотал Валька, давая понять, что вполне оценил мою шутку.

— Наверное, слышал, что такое левитация?

— А! — махнул рукой Валька. — Сказочка про белого бычка!

— Ты только не пугайся, пожалуйста, но я намерен левитировать!

— Чего мне пугаться! — засмеялся он. — Давай, действуй! Если сможешь только!

— Прощай, Валентин Александрович! — сказал я серьезно. — Спасибо тебе, что единственный из всех живущих на этой земле не забыл обо мне!

— Да чего там, — сказал Валька, смахивая несуществующую слезу, — дай, думаю, помяну Серегу! Сто двадцать пять рубликов, можно сказать, у семьи отнял на венок, будь он неладен! А ты его в воду! Но я зла не держу! А сто двадцать пять рублей — это деньги...

Не слушая более его болтовни, я сосредоточился и вошел в состояние. Легонько толкнувшись от земли, взлетел. Валька так широко раскрыл рот, что я не удержался и крикнул:

— Закрой, Валька, рот! Живот простудишь!

Сделав круг, набирая скорость, пошел вверх по спирали. Набрал высоту, замер на мгновение и вдруг сорвался вниз, так что ветер зашумел в ушах. Теряя высоту, я ориентировался на ту гигантскую осину, что серебристой пикой торчала над лесом. А внизу, спотыкаясь и падая, бежал к своей машине мой старый

друг Валька. Какое страшное потрясение пришлось пережить ему! Какой непоправимый удар нанесен его убеждению: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!» Оказалось, может. Его узенький мирок ответственного секретаря маленькой районной газетки вдруг расширился до пределов Вселенной и вновь сжался в испуге. Оттого он бежал и падал. Убегая от яви, от реальности и невозможности увиденного. Ему так хотелось спрятаться в неведении, желанном, нестрашном, привычном и устраивающем его.

Замедлив падение, я приземлился у основания гигантской осины. Поднял с земли камень и постучал им по краю отверстия. Гигантский гром, вылетев из полого тела осины, покатился, громяхая. Я поднял голову и вдруг увидел в голубом, почти прозрачном небе, на неимоверной высоте, где-то там, высоко-высоко, мельчайшее синее пятнышко. От этого пятнышка отделилась и стала падать серебристая капелька. Припав к отверстию, я крикнул во всю силу своих легких:

— Лу-у-ушаа-а-а-а-а!!! Лу-у-у-у-ушенька-а-а-а-а-а!!!

И голос мой, ударившись в немыслимо огромный колокол неба, разнесся великим громом над миром людей. Эхо подхватило его. Я вошел в состояние и стал набирать высоту, а навстречу мне, вырастая, падала светлая капелька, постепенно превращаясь в человеческую фигурку, одетую в серебристый скафандр. Это была Луша. Наконец руки наши сомкнулись, глаза встретились, а исполинский гром катился и катился по гулкому небу, постепенно затихая.

— Кажется, гроза будет! — сам себе сказал Валька, поспешно усаживаясь в машину и запуская двигатель.

Вместо послесловия

Однажды Сергей пригласил меня на день рождения своей жены Луши. Я пришел в назначенный час, взялся за дверную ручку. Дверь, к моему удивлению, оказалась не заперта. Я вошел. Никого. Рассеянным взглядом оглядел комнату и вдруг увидел Лушин медальон. Он лежал на самом видном месте, в

центре стола. Машинально взял его в руки. Подержал на ладони, подышал на него, согревая своим дыханием. И вдруг странная завораживающая мелодия наполнила собой комнату. Это были голоса моих друзей. Они просили у меня прощения за то, что вынуждены были срочно улететь к Лушиным родителям, не предупредив меня. Причина оказалась более чем серьезна. Очередная научная экспедиция в малоисследованном параллельном мире столкнулась с существом, которое буквально изрешетило роботов-исполнителей ядовитыми иголками с зелеными бусинами на конце. Просматривая видео, отец Луши, Владимир Николаевич, в скелете, нападшем на роботов, интуитивно угадал облик святого. Да, это был святой. Тот самый святой из преисподней. Он жил, и не только жил, но и действовал в своей отвратительной манере убийцы. Опасаясь за Сергея и Лушу, отец вынужден был взять их к себе, где, по его мнению, они будут в полной безопасности.

— Игорек! — говорил Сергей. — Будь осторожен. Святой знает, что ты написал о нем книгу. Он постарается отомстить тебе. Это страшный человек! Если только это человек, а не существо другого неизвестного нам мира. Дикая, мстительная сущность. Открой медальон. В центре его увидишь ярко-красную, похожую на рубин, горошину. Коснись ее указательным

пальцем. И все. С этого мгновения ты облада...

На этом голос Сергея оборвался. Открыв крышку, я коснулся светящегося крошечного рубина, как просил меня Сергей. Через мгновение еще раз, но он уже успел остыть, внутреннее свечение его прекратилось. Подождал еще некоторое время, рубин оставался холодным, почти черным. Тогда я закрыл крышку медальона и сунул его в боковой карман. Зачем это сделал, я не мог бы объяснить даже самому себе.

Так я оказался втянутым в череду самых невероятных событий.

Петрозаводск. Апрель 2010 года

□

Игорь Дмитриевич ВОСТРЯКОВ

родился в 1938 году в Карелии, г. Петрозаводске.

Детский писатель.

Публиковался в журналах: «Веселые картинки», «Пионер», «Колобок», «Семья», «Север», детском журнале на финском языке «Кипиня» и т.д.

Имеет более десятка сборников, вышедших в столичных издательствах «Детская литература» и «Малыш», издательстве «Карелия», а также в Швеции и Финляндии.

Член Союза российских писателей.

Живет и работает в Петрозаводске.

